

МАРИЯ ЛЕСНАЯ

Я НЕ ЗНАЮ,
КТО ОТЕЦ МОЕГО
Ребёнка

ДВА МУЖЧИНЫ.
ОДНА ТАЙНА.
ОДНА ЖИЗНЬ.

Мария Лесная

Я не знаю, кто отец моего ребёнка

<https://litres.ru/74602419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна ночь. Два мужчины. И тайна, которая может стоять мне жизни.

Я никогда не думала, что окажусь перед таким выбором. Максим — мужчина, которого я любила и поклялась ненавидеть. Даниил — тот, кому я доверяла самое сокровенное. Теперь я беременна и не знаю, кто из них отец моего ребёнка.

Но это не самое страшное. Оба что-то скрывают. Кто-то лжёт, кто-то следит за мной, а прошлое, которое я пыталась забыть, возвращается с пугающими подробностями.

Я должна узнать правду, пока не стало слишком поздно. Только что, если отец моего ребёнка — человек, от которого мне нужно бежать?

И что, если единственный, кому я могу довериться, — тот, кого я должна бояться больше всех?

Мария Лесная

Я не знаю, кто отец моего ребёнка

Глава 1. Чужая жизнь

Пластиковая палочка с двумя розовыми полосками лежала на краю мраморной раковины, и Алиса Воронцова смотрела на неё так, словно перед ней лежало не свидетельство новой жизни, а приговор, вынесенный без суда и следствия. Вода из неплотно закрытого крана падала редкими тяжёлыми каплями, и каждая из них, разбиваясь о поверхность, отдавалась в висках глухим, настойчивым стуком. В зеркале напротив отражалась женщина, которую она с трудом узнавала: бледное лицо без следов косметики, искусанные до крови губы, глаза, в которых застыло выражение загнанного зверя. Это была она и одновременно не она — чужой человек в чужом гостиничном номере, среди чужой жизни, которая ещё вчера казалась предсказуемой и почти спокойной.

Алиса попыталась вспомнить, как оказалась здесь, но память услужливо подсовывала лишь обрывки, похожие на обгоревшие фотографии: вот она поднимается по широкой

мраморной лестнице поместья Орловых, вот её рука скользит по перилам, вот чей-то голос за спиной произносит её имя — и всё, дальше темнота, вязкая и бездонная, как болото, затягивающее на дно. Она помнила запах — терпкий, смешанный аромат дорогого парфюма и воска, — помнила, как гас свет, как чьи-то пальцы сомкнулись на её запястье, и как сердце билось так отчаянно, что, казалось, ещё мгновение — и грудная клетка не выдержит.

Телефон, лежавший на бортике ванны, завибрировал, и Алиса вздрогнула, словно от удара. Экран высветил тридцать семь пропущенных вызовов — от Даниила, от рабочего номера галереи, от какого-то незнакомого абонента с кодом, который она не могла идентифицировать. Среди этого списка не было ни одного звонка от Максима Орлова, и от этого отсутствия становилось страшнее, чем от любых угроз. Она провела пальцем по экрану, открывая сообщения, и сердце пропустило удар, когда среди привычных уведомлений мелькнуло одно, отправленное с неизвестного номера:

«Ты должна вспомнить, с кем провела ночь».

Одно предложение, без подписи, без смайлика, без какого-либо контекста, но от него веяло такой холодной, расчётливой жестокостью, что у Алисы пересохло во рту. Она нажала на сообщение, пытаясь определить, когда оно пришло — выходило, что около трёх часов назад, когда она, судя по всему, ещё спала в этом номере, в этой постели с чужими, слишком накрахмаленными простынями, среди поду-

шек, пропахших лавандой и чьим-то дорогим одеколоном.

Алиса опустилась на холодный кафель, прижав колени к груди, и закрыла глаза, пытаясь заставить себя дышать ровно. Вдох — раз, два, три. Выдох — раз, два, три. Этот приём когда-то научил её брат, когда она была ещё совсем девочкой и панически боялась темноты. «Дыши, малышка, — говорил он, улыбаясь уголками губ, — страх не живёт там, где есть ритм». Тогда, много лет назад, этот совет казался ей волшебным ключиком от всех страхов мира. Теперь же, в гостиничной ванной, среди чужих вещей и собственных провалов в памяти, она понимала, что никакой ритм не спасёт от того ужаса, который поселился где-то под рёбрами, медленно и настойчиво разъедаая её изнутри.

Она снова посмотрела на тест. Две полосы. Чёткие, яркие, не оставляющие места для сомнений. Внутри неё сейчас билось сердце — крошечное, размером с точку, но уже живое, уже требующее права на существование. И это сердце имело отца, которого она не знала, потому что ночь, подарившая ей эту жизнь, стёрлась из её памяти, как небрежно написанный текст на грифельной доске.

Телефон зазвонил снова, на этот раз незнакомый номер, и Алиса, повинувшись какому-то инстинкту, ответила. Тишина в трубке длилась несколько секунд, а затем раздался голос — низкий, с хрипотцой, которую она узнала бы из тысячи, даже если бы прошло ещё сто лет.

— Алиса, — произнёс Максим Орлов, и от звука его го-

лоса у неё перехватило дыхание, словно кто-то сдавил горло ледяными пальцами. — Слушай меня очень внимательно. Никому не говори о ребёнке. Ни одной живой душе. Ты поняла?

Мир вокруг замер, остановился, словно кто-то нажал на невидимую кнопку паузы. Алиса открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле, превратившись в сухой, бесполезный комок. Как он узнал? Она сама узнала всего двадцать минут назад, ещё до того, как вышла из ванной, ещё до того, как эта новость успела оформиться в её сознании в нечто осязаемое. Она не говорила никому — ни врачу, ни коллегам, ни Даниилу. И всё же Максим знал.

— Что ты сказал? — наконец выговорила она, и собственный голос показался ей чужим, сиплым, будто она кричала несколько часов подряд.

— У тебя нет времени на вопросы, — ответил он, и в его голосе слышалась не холодность, к которой она привыкла за годы разлуки, а что-то другое — напряжение, почти страх, тщательно замаскированный под деловую жёсткость. — Просто запомни: если ты хочешь, чтобы этот ребёнок родился, ты не должна рассказывать о нём никому. И особенно — Даниилу.

Услышав имя Даниила, Алиса почувствовала, как что-то внутри оборвалось, покатилося вниз, в пустоту, увлекая за собой остатки спокойствия. Даниил Соколов. Человек, который был рядом, когда её мир рушился после гибели брата.

Человек, который держал её за руку в больнице, когда врачи говорили, что она может не выжить. Человек, который признался ей в любви всего несколько недель назад, тихо и осторожно, словно боялся спугнуть. И Максим — мужчина, которого она когда-то любила так сильно, что готова была сгореть дотла, мужчина, который предал её так жестоко, что она поклялась никогда больше не произносить его имя. Оба они оказались втянуты в эту историю, и оба теперь требовали от неё чего-то, чего она не могла дать.

— Максим, — прошептала она, вцепившись свободной рукой в край раковины, — что произошло той ночью? Что ты сделал?

Тишина на другом конце провода длилась долго, так долго, что Алиса успела услышать собственное сердце, отбивающее дробь где-то в горле. А затем Максим ответил, и в его словах было столько боли, сколько она никогда прежде не слышала:

— Я не знаю. И это самое страшное, Алиса. Я не помню эту ночь так же, как и ты.

Гудки в трубке прозвучали резко и неожиданно, словно выстрел. Алиса медленно отняла телефон от уха и посмотрела на экран. Вызов завершён. Длительность — сорок семь секунд. Сорок семь секунд, которые перевернули всё, что она знала о той ночи. Если Максим тоже не помнит — что это меняет? Или, наоборот, что это объясняет?

Она поднялась с пола, держась за стену, чтобы не упасть,

и подошла к окну. За стеклом раскинулся утренний город — серый, туманный, безразличный к её беде. Где-то там, в этом лабиринте улиц и переулков, скрывались ответы на её вопросы. Где-то там находился человек, который оставил её в этом номере. Где-то там, возможно, всё ещё дышал тот, кого она похоронила три года назад — её брат, чей голос она слышала в темноте поместья, чьё лицо, как ей показалось, мелькнуло в толпе гостей.

Алиса прижала ладонь к животу, к тому месту, где под кожей билась новая жизнь, и впервые за долгое время позволила себе заплакать. Слезы текли по щекам, капали на кафель, но она не вытирала их, не прятала, не стыдилась. Она плакала о той девочке, которой была когда-то, о женщине, которой стала, и о ребёнке, которому ещё только предстояло родиться в этом мире лжи и предательства. Она плакала от бессилия и от страха, но где-то глубоко внутри, под слоями отчаяния и боли, уже разгорался огонёк — упрямый, злой, отчаянный. Огонёк, который не позволит ей сдаться.

Кто-то убил её брата — или заставил всех поверить в его смерть. Кто-то стёр из её памяти целую ночь. Кто-то подделал или собирался подделать результаты её медицинских анализов. И кто-то — возможно, тот же самый человек — угрожал сейчас её нерождённому ребёнку.

Алиса умылась холодной водой, собрала волосы в тугий узел и посмотрела на своё отражение. Глаза всё ещё были красными от слёз, но в них появилось новое выражение —

то, которое она помнила у брата, когда он готовился к очередному сложному делу. Это было выражение человека, который принял решение и не собирается отступить.

Она вышла из ванной, подобрала с пола помятое вечернее платье, надела его, не обращая внимания на чужие взгляды из зеркала, и направилась к двери. В кармане платья, среди складок ткани, её пальцы наткнулись на что-то твёрдое и холодное. Она вытащила предмет и поднесла к свету: это была запонка — тяжёлая, из тёмного металла, с гравировкой в виде герба. Герб семьи Орловых.

Алиса сжала запонку в кулаке, чувствуя, как металл впицается в ладонь, и вышла в коридор. За её спиной остался номер, в котором она провела ночь, которую не помнила. Впереди был город, полный лжи и опасностей. И где-то в этом городе её ждали два мужчины, каждый из которых утверждал, что любит её, и каждый из которых что-то скрывал.

Она должна узнать правду. Ради брата. Ради себя. Ради ребёнка, который ещё не родился, но уже стал пешкой в чужой игре.

Дверь лифта закрылась за ней с тихим, почти невесомым щелчком, и Алиса Воронцова начала спускаться вниз — в неизвестность, в опасность, в новую жизнь, где каждое слово могло стать ложью, а каждый поцелуй — предательством.

Глава 2. Женщина, которая ничего не помнит

Три недели назад жизнь Алисы Воронцовой ещё подчинялась правилам, которые она сама установила после гибели брата. Правила были простыми и жёсткими, как армейский устав: не привязываться к людям настолько, чтобы их потеря могла её сломать; не возвращаться в места, связанные с прошлым; не произносить вслух имя Максима Орлова и, главное, не позволять себе вспоминать о нём дольше, чем на несколько секунд, необходимых для того, чтобы прогнать непрощеный образ. Эти правила помогали ей дышать, помогали просыпаться по утрам и засыпать по ночам, помогали смотреть в будущее, не оглядываясь на руины, оставшиеся позади.

Мастерская, в которой она работала, располагалась в старом доходном доме на набережной канала Грибоедова, в двух шагах от Спаса на Крови, и занимала три просторных комнаты с высоченными потолками, лепниной и окнами, выходящими на воду. Здесь пахло льняным маслом, скипидаром и старой бумагой, здесь время текло медленно и плавно, подчиняясь не часам, а слоям краски, которые предстояло снять, чтобы добраться до первоначального замысла художника. Алиса любила эту мастерскую той спокойной, глубокой любовью, которую испытывают люди, нашедшие своё истинное призвание после долгих лет блуждания в потёмках. Реставрация картин стала для неё не просто профессией, а способом залечить собственные раны, нанесённые жизнью, — она возвращала к жизни то, что казалось навсегда утра-

ченным, и в этом процессе находила утешение, которого не могли дать ни слова поддержки, ни сочувственные взгляды.

В то утро она работала над портретом неизвестной красавицы кисти неизвестного мастера восемнадцатого века — полотно поступило из частной коллекции, и заказчик требовал особой тщательности, поскольку собирался представить картину на закрытом аукционе. Алиса сидела на высоком табурете, склонившись над холстом, и ватным тампоном, смоченным в специальном растворе, осторожно снимала слой старого лака, открывая взгляду глубокие, чуть печальные глаза женщины, жившей два столетия назад и смотревшей на неё сквозь толщу времени с молчаливым пониманием.

— Ты сегодня сама не своя, — раздался голос от двери, и Алиса, вздрогнув, обернулась.

На пороге стояла Вера Павловна Ковалёва, старший реставратор и, пожалуй, единственный человек в этом городе, которому Алиса доверяла хоть в какой-то степени. Женщина лет шестидесяти, с седыми волосами, убранными в строгий пучок, и руками, которые помнили тысячи прикосновений к бесценным полотнам, она обладала редким даром видеть людей насквозь, не задавая лишних вопросов. Вера Павловна прошла в комнату, шурша длинной юбкой, остановилась за спиной Алисы и несколько минут молча наблюдала за её работой, а затем положила тёплую, сухую ладонь ей на плечо.

— Рассказывай, — произнесла она мягко, но с той непре-

рекаемой интонацией, которая не оставляла выбора. — Что случилось?

Алиса отложила тампон, выпрямилась, чувствуя, как затекли плечи от долгого сидения в одной позе, и посмотрела на наставницу. В глазах Веры Павловны читалось такое искреннее участие, что Алиса едва не расплакалась — в последнее время слёзы подступали к горлу по любому поводу, и она с трудом сдерживала их, пряча за деловой сосредоточенностью и привычной маской спокойствия.

— Вчера приходил заказчик, — начала она, тщательно подбирая слова. — Представитель семьи Орловых. Они хотят, чтобы я работала над картиной из их коллекции. Лично.

Вера Павловна нахмурилась, и на её лбу пролегли глубокие морщины, делавшие лицо похожим на старинный пергамент. Она знала историю Алисы — знала о Максиме, о брате, о том, что произошло три года назад, — и понимала, что стоит за этим внешне безобидным сообщением.

— И ты согласилась? — спросила она, хотя в её голосе уже звучал ответ.

— Я отказалась бы, — Алиса поднялась с табурета и подошла к окну, за которым медленно кружились в вальсе первые снежинки, — если бы это было так просто. Но они настаивают. Говорят, что картина — часть коллекции, которую собирал лично Виктор Орлов, отец Максима. И что у них есть документы, подтверждающие, что моя мать когда-то работала над этой картиной. Это семейная реликвия, Вера Павлов-

на. И они хотят, чтобы её реставрировала именно я.

Вера Павловна тяжело опустилась в кресло, стоявшее у стены, и несколько минут молчала, глядя в пространство перед собой. Алиса знала этот взгляд — так смотрит человек, который взвешивает что-то важное, пытаясь найти правильные слова. Наконец Вера Павловна заговорила, и в её голосе слышалась та осторожность, с которой люди обычно сообщают плохие новости:

— Ты понимаешь, что это может быть ловушка? Семья Орловых не просто так вспомнила о тебе спустя столько лет. Особенно после того, что случилось с твоим братом.

— Понимаю, — ответила Алиса, и это было правдой. — Но я не могу отказаться. Если я откажусь, они найдут другого реставратора, и я никогда не узнаю, что им на самом деле нужно. А если соглашусь — у меня будет доступ в их дом, в их архив. Возможно, я смогу найти то, что поможет мне понять, что произошло с Димой.

Дима. Дмитрий Воронцов. Её старший брат, её защитник, её единственный родной человек после смерти родителей. Он погиб три года назад — или, как утверждало официальное заключение, пропал без вести и был объявлен погибшим после того, как его машину нашли на дне Финского залива. Алиса никогда не верила в эту версию. Слишком много деталей не сходилось, слишком много вопросов оставалось без ответов, и главный из них — почему в последние месяцы перед исчезновением Дима вёл себя так странно, словно гото-

вился к чему-то опасному, словно знал, что его жизнь может оборваться в любой момент.

Вера Павловна поднялась с кресла и подошла к Алисе, встав рядом с ней у окна. Снег за стеклом усилился, превратившись в сплошную белую пелену, и город внизу казался размытым, нереальным, словно нарисованным акварелью на мокрой бумаге.

— Я не могу тебя отговаривать, — сказала Вера Павловна после долгой паузы. — Ты взрослая женщина и сама принимаешь решения. Но я хочу, чтобы ты кое-что запомнила. Орловы — это не просто богатая семья. Это люди, которые привыкли получать то, что хотят, любой ценой. И если они вытягивают тебя в свою игру, значит, у них есть на это причина. Обещай мне, что будешь осторожна.

Алиса кивнула, не отрывая взгляда от снежного вихря за окном. Она думала о Максиме — о том, каким он был три года назад, когда они встретились впервые. Тогда ей было двадцать четыре, она только что окончила Академию художеств и получила своё первое серьёзное задание — реставрацию фресок в особняке Орловых на Каменном острове. Максим был сыном хозяина дома, наследником империи, человеком, который с первого взгляда производил впечатление своей холодной, отточенной красотой и той уверенностью в себе, которая бывает только у людей, никогда не знавших отказа.

Они встретились в библиотеке особняка — Алиса иска-

ла справочники по технике реставрации восемнадцатого века, а Максим, как выяснилось позже, прятался там от гостей, приехавших на очередной светский раут. Он сидел в глубоком кресле у камина, с книгой в руках, и когда Алиса вошла, поднял голову и посмотрел на неё так, словно увидел привидение. Потом улыбнулся — неожиданно тепло, совсем не по-светски, — и сказал: «Вы, должно быть, тот самый реставратор, который собирается вернуть к жизни наши фрески. Я читал о вас. Говорят, вы работаете с материалами, которые уже никому не под силу восстановить».

Тогда, в той библиотеке, между ними вспыхнуло что-то, что Алиса по глупости приняла за любовь с первого взгляда. Максим ухаживал за ней красиво и настойчиво: присылал цветы, приглашал в лучшие рестораны города, водил на закрытые показы в Эрмитаж, дарил книги, которые она упоминала в разговорах, — и всё это с той тщательностью, которая выдавала в нём человека, привыкшего добиваться своего. Алиса влюбилась — влюбилась так сильно, что перестала замечать тревожные звоночки, которые время от времени пробивались сквозь пелену счастья. То Максим внезапно исчезал на несколько дней без объяснений, то отвечал на её вопросы уклончиво, то менялся в лице, когда она упоминала брата. Но она гнала эти мысли прочь, убеждая себя, что у человека с его положением просто не может не быть секретов.

Всё закончилось в одну ночь. Алиса приехала в особняк Орловых, чтобы сообщить Максиму о беременности — то-

гда, три года назад, она тоже была беременна, — и случайно услышала разговор, который перевернул её жизнь. Максим стоял в кабинете отца вместе с какими-то людьми, и один из них, человек с тяжёлым, словно вырубленным из камня лицом, произнёс: «Воронцов больше не проблема. Мы решили вопрос». Алиса застыла за дверью, не в силах пошевелиться, а потом услышала голос Максима — спокойный, деловой, без тени эмоций: «Хорошо. Проследите, чтобы его сестра ничего не узнала. Она может стать проблемой».

Она не помнила, как выбежала из особняка, как добралась до дома, как всю ночь просидела на полу в ванной, прижимая к груди телефон, на экране которого светился номер брата, не отвечавшего на звонки. Через три дня ей сообщили, что машина Дмитрия найдена в заливе, а тело не обнаружено. А ещё через неделю она получила анонимное письмо, в котором говорилось, что Максим Орлов никогда не любил её, что весь их роман был частью плана по устранению её брата, и что ей лучше исчезнуть из города, если она хочет остаться в живых.

Алиса потеряла ребёнка на пятом месяце — выкидыш случился после того, как она упала в обморок от истощения и стресса. Врачи говорили, что она ещё сможет иметь детей, что молодость возьмёт своё, но она не верила им. Не хотела верить. Тогда ей казалось, что жизнь закончилась, что всё, что было дорого, утрачено навсегда, и что Максим Орлов — человек, которого она любила больше себя, — виновен в

смерти её брата и её neroждённого ребёнка.

Она уехала из Санкт-Петербурга, сменила фамилию, оборвала все контакты с прошлым и начала жизнь с чистого листа. Вернулась она только два года спустя — потому что поняла, что бегство не спасает от памяти, потому что хотела быть ближе к могиле брата, потому что где-то глубоко внутри всё ещё теплилась надежда, что когда-нибудь она сможет узнать правду.

Теперь эта правда сама пришла за ней. В лице представителя семьи Орловых, предложившего работу, от которой невозможно отказаться. В лице Максима, чей голос в трубке звучал так, словно он тоже потерял что-то важное. В лице Даниила Соколова, следователя, который вёл дело о гибели Димы и который все эти годы был рядом, поддерживал, помогал — и постепенно стал для Алисы кем-то большим, чем просто друг.

Алиса отошла от окна и вернулась к портрету неизвестной красавицы. Взгляд женщины на холсте показался ей вдруг осмысленным, полным тайного знания. Алиса взяла ватный тампон и снова склонилась над работой, но мысли её были далеко. Она думала о том, что через несколько дней войдёт в дом, где когда-то была счастлива, где потеряла всё, что любила, и где теперь ей предстоит найти ответы на вопросы, которые она боялась задавать даже самой себе.

Где-то на дне сумочки, лежавшей на столе, завибрировал телефон. Алиса вытерла руки салфеткой, достала аппарат и

посмотрела на экран. Сообщение от Даниила: «Как ты? Не хочешь поужинать сегодня? Есть разговор».

Она смотрела на эти слова, и в душе её боролись два чувства: благодарность к человеку, который всегда оказывался рядом в трудную минуту, и смутное, необъяснимое беспокойство, которое в последнее время всё чаще возникало при мыслях о Данииле. Что-то изменилось в нём за последние месяцы — или это она сама изменилась, став более подозрительной, более осторожной, более похожей на ту женщину, которой никогда не хотела быть?

Алиса набрала ответ: «Давай. В семь, как обычно?» — и отправила сообщение, прежде чем успела передумать. Потом отложила телефон и снова взялась за работу, но сосредоточиться уже не могла. Перед внутренним взором стояло лицо Максима — таким, каким она увидела его вчера, когда представитель Орловых передавал ей документы: холодное, замкнутое, но с той особенной глубиной во взгляде, которая когда-то покорила её сердце. И рядом — другое лицо, лицо Даниила, тёплое и открытое, лицо человека, который никогда не причинял ей боли.

Два мужчины. Две дороги. И один вопрос, ответ на который она боялась узнать: кто из них на самом деле любит её, а кто использует в чужой игре, ставка в которой — её жизнь и жизнь её будущего ребёнка?

Снег за окном продолжал падать, укрывая город белым покрывалом, скрывая под ним грязь, ложь и преступления.

Но Алиса знала: рано или поздно снег растает, и всё тайное станет явным. Главное — дожить до этого момента.

Глава 3. Человек, которого она ненавидит

Особняк Орловых на Каменном острове встретил Алису тем же холодным, отстранённым великолепием, которое она помнила по прошлым визитам: белоснежные колонны, увитые плющом, высокие окна с витражами, через которые тусклый зимний свет просачивался разноцветными пятнами, и чугунные ворота с гербом, выполненным в виде двух переплетённых литер «О». Всё здесь дышало историей, богатством и той особенной, старинной надменностью, которая бывает только у домов, стоящих на одном месте не одно столетие. Алиса вышла из такси, прижимая к груди папку с документами, и на секунду замерла, чувствуя, как холодный воздух обжигает лёгкие. Три года назад она входила в этот дом с совершенно другими чувствами — с трепетом, с надеждой, с той глупой, всепоглощающей влюблённостью, которая заставляет человека видеть мир в розовом свете даже там, где царит беспросветная тьма.

Дворецкий, немолодой мужчина с безупречной осанкой и лицом, лишённым всякого выражения, проводил её в западное крыло, где располагалась галерея. Алиса шла по знакомым коридорам, чувствуя, как под ногами поскрипывает паркет, как от стен веет холодом и запахом старого воска, как где-то в глубине дома играет тихая классическая музы-

ка — вероятно, из динамиков, встроенных в потолок с той тщательностью, которая отличает дома, где деньги никогда не были проблемой. Она старалась не смотреть по сторонам, не вспоминать, как когда-то бежала по этим коридорам, смеясь, как Максим ловил её за руку у этой самой лестницы, как они вместе смотрели на закат из окна на третьем этаже, и он говорил ей слова, которые она по глупости считала пророческими.

Галерея занимала просторный зал с высоченными потолками и световыми окнами, пропускавшими достаточно естественного света даже в пасмурный день. Картины висели в тяжёлых золочёных рамах, и Алиса, пройдя вдоль стены, отметила про себя несколько полотен, которые видела в каталогах аукционных домов — Айвазовский, Левитан, пара портретов кисти неизвестных мастеров восемнадцатого века. Но её внимание сразу привлекла картина, висевшая в центре зала, — та самая, ради которой её сюда пригласили. Это был портрет женщины в тёмно-синем платье, с жемчужным ожерельем на шее и загадочной полуулыбкой на губах, написанный в лучших традициях русской портретной живописи девятнадцатого столетия. Полотно явно нуждалось в реставрации: краска местами потемнела, кое-где появились трещины, лак пожелтел от времени, но даже сквозь эти следы разрушения проглядывала удивительная сила и глубина образа.

Алиса подошла ближе, достала из папки лупу и принялась

внимательно изучать состояние холста, стараясь сосредоточиться на работе и прогнать прочь непрощенные воспоминания. Она отметила характерные признаки кисти неизвестного мастера, определила примерную дату создания — середина сороковых годов девятнадцатого века, — и уже почти погрузилась в привычное состояние спокойной сосредоточенности, когда за спиной раздались шаги. Медленные, уверенные, знакомые до боли. Алиса замерла, не оборачиваясь, чувствуя, как сердце начинает биться чаще, как кровь приливает к щекам, как всё её существо наполняется тем сложным, противоречивым чувством, которое она так старательно пыталась похоронить под слоями ненависти и презрения.

— Здравствуй, Алиса.

Голос Максима Орлова звучал так же, как и три года назад: низкий, с лёгкой хрипотцой, с той интонацией сдержанной уверенности, которая когда-то казалась ей верхом мужественности. Она медленно обернулась, и их взгляды встретились. Максим стоял в дверном проёме, заложив руки за спину, и смотрел на неё с выражением, которое она не могла расшифровать. Он почти не изменился за эти годы — разве что в тёмных волосах появились первые седые пряди, да в уголках губ залегли глубокие складки, которых раньше не было. Но глаза остались прежними: серые, пронзительные, с той особенной глубиной, которая затягивала, как омут, и не отпускала до самого дна.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Алиса, и собствен-

ный голос показался ей чужим — слишком резким, слишком холодным, словно она говорила с незнакомцем. — Мне сказали, что встречу проведёт представитель семьи.

— Представитель семьи — это я, — ответил Максим, входя в зал. Он двигался с той же кошачьей грацией, которую она помнила, и от этого движения у Алисы перехватило дыхание. — Формально. Картина принадлежит лично мне, а не семейной коллекции. Я хотел обсудить реставрацию с тобой лично.

— Зачем? — Алиса скрестила руки на груди, пытаясь создать хоть какую-то преграду между собой и этим человеком. — У тебя есть все возможности нанять любого реставратора в мире. Зачем тебе я?

Максим подошёл ближе, остановился в двух шагах от неё, и Алиса почувствовала запах его одеколона — сандал, кедр, что-то ещё, неуловимое и знакомое. Этот запах преследовал её в кошмарах, напоминал о ночах, проведённых в его объятиях, о словах, сказанных шёпотом в темноте, о том, как она верила ему безоговорочно, всем сердцем, всей душой.

— Потому что эта картина имеет отношение к твоей матери, — сказал Максим, и в его голосе промелькнула тень чего-то, похожего на нежность. — Я знаю, что она работала над ней. Я знаю, что для тебя это важно. И я хочу, чтобы ты знала: я не пытаюсь тебя использовать. Я просто хочу, чтобы эта картина была отреставрирована твоими руками.

Алиса почувствовала, как внутри неё поднимается волна

гнева — горячая, обжигающая, сметающая остатки самообладания. Она сделала шаг вперёд, сократив расстояние между ними до минимума, и посмотрела Максиму прямо в глаза.

— Ты не пытаешься меня использовать? — переспросила она, и голос её дрожал от сдерживаемой ярости. — После всего, что ты сделал? После того, как ты убил моего брата? После того, как ты уничтожил мою жизнь?

Лицо Максима побледнело, и на секунду Алисе показалось, что она видит в его глазах боль — настоящую, глубокую, не поддельную. Но она тут же прогнала эту мысль, напомнив себе, что этот человек — прекрасный актёр, что он годами водил её за нос, что его словам нельзя верить.

— Я не убивал твоего брата, — сказал Максим тихо, но с такой настойчивостью, что Алиса невольно вздрогнула. — Я знаю, что ты думаешь иначе. Я знаю, что тебе сказали. Но это ложь. Всё это ложь.

— Ложь? — Алиса горько усмехнулась. — Я слышала тебя собственными ушами, Максим. Я стояла за дверью твоего кабинета и слушала, как ты говоришь своим людям, что мой брат «решён» и что его сестра «может стать проблемой». Ты приказал следить за мной. Ты угрожал мне. И после этого ты смеешь говорить, что не убивал его?

Максим закрыл глаза, словно собираясь с силами, а когда открыл их снова, Алиса увидела в них выражение, которое заставило её сердце сжаться. Это была не злость, не раздражение, не холодная отстранённость — это была мука. Мука

человека, который годами носит в себе неподъёмный груз и не может его никому передать.

— Ты слышала только часть разговора, — сказал он, и его голос дрогнул. — Ты не слышала контекст. Ты не знаешь, что происходило на самом деле. И я не могу тебе всего объяснить — потому что, если я это сделаю, ты окажешься в ещё большей опасности, чем сейчас.

— Я уже в опасности, — ответила Алиса, и в её голосе прозвучала та усталость, которая накапливается годами. — Я живу в опасности с того дня, как ты вошёл в мою жизнь. Так что, может быть, хватит уже игр? Может быть, ты наконец скажешь мне правду?

Максим протянул руку, словно хотел коснуться её плеча, но остановился на полпути и опустил ладонь. В этом незавершённом жесте было столько боли, столько сожаления, что Алиса почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Она ненавидела себя за эту слабость, за то, что даже сейчас, после всего, что произошло, её тело помнило прикосновения этого человека и тянулось к нему вопреки здравому смыслу.

— Правда в том, — сказал Максим, и голос его звучал глухо, словно он говорил через силу, — что я не могу тебе всего рассказать. Не потому, что не хочу. Потому что не знаю, кому ещё можно доверять. Твой брат... он был в чём-то замешан. Во что-то опасное. И я пытался его защитить, но не успел. Я не знаю, что с ним произошло на самом деле. Но я знаю, что не отдавал приказа его убивать. И я знаю, что

кто-то очень постарался, чтобы ты поверила в обратное.

Алиса смотрела на него, и в душе её боролись два чувства: желание верить и страх снова ошибиться. Три года она жила с уверенностью, что Максим — убийца её брата, что он использовал её, что всё, что было между ними, — ложь. Эта уверенность была её броней, её защитой, её способом выжить. И теперь Максим пытался эту броню разрушить, предлагая взамен свою версию правды — версию, в которой он оказывался не злодеем, а жертвой обстоятельств.

— Почему я должна тебе верить? — спросила она, и в её голосе прозвучала та горечь, которая накопилась за годы одиночества и боли. — Что у тебя есть, кроме слов?

Максим молчал несколько секунд, а затем произнёс:

— Ты помнишь ту ночь, когда мы познакомились? В библиотеке?

Алиса кивнула, не понимая, к чему он клонит.

— Я тогда сказал тебе, что прячусь от гостей, — продолжил Максим, и в его глазах появилось странное выражение, словно он видел перед собой не Алису, а кого-то другого. — Это была правда. Но не вся. На самом деле я прятался не от гостей. Я прятался от отца. В тот вечер он сообщил мне, что собирается передать часть бизнеса людям, с которыми я категорически не хотел иметь дела. Я отказался. И он угрожал, что если я не подчинюсь, он уничтожит всё, что мне дорого. Включая тебя.

Алиса нахмурилась, пытаясь осмыслить услышанное.

Виктор Орлов, отец Максима, был человеком жёстким и властным — это она знала. Но чтобы он угрожал собственному сыну?

— Я не знал, что делать, — продолжал Максим, и в его голосе слышалась та искренность, которая заставляла Алису против воли верить ему. — Я пытался выиграть время. Я пытался найти способ защитить тебя и твоего брата, не вступая в открытый конфликт с отцом. Но я не успел. Твой брат начал собственное расследование — он копал под отца, под его партнёров, под людей, которые не прощают подобного. И когда я узнал, что он в опасности, было уже поздно.

— Ты знал, что ему угрожают? — спросила Алиса, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Ты знал и не предупредил меня?

— Я пытался, — ответил Максим, и в его голосе прозвучала боль. — Я отправил тебе письмо. Анонимное. Я думал, что если ты узнаешь правду, то уедешь, скроешься, и я смогу разобраться со всем остальным. Но ты не уехала. Ты осталась. И тогда я понял, что не смогу тебя защитить.

Алиса вспомнила то письмо — анонимное, написанное нарочно изменённым почерком, в котором говорилось, что Максим Орлов никогда не любил её, что всё было игрой, и что ей лучше исчезнуть. Она тогда поверила каждому слову. Она собрала вещи и уехала, а через несколько дней узнала о гибели брата.

— Это ты отправил мне то письмо? — спросила она, и

голос её дрогнул.

— Я, — ответил Максим. — И я знаю, что это было жестоко. Но у меня не было выбора. Я думал, что если ты будешь меня ненавидеть, то сможешь жить дальше. Я думал, что ненависть — это лучше, чем страх. Лучше, чем постоянное ожидание удара.

Алиса отвернулась, не в силах смотреть на него. Внутри всё смешалось: гнев, боль, недоверие, и где-то глубоко, под всеми этими слоями, — робкая, едва различимая надежда. Надежда на то, что всё это время она ошибалась. Что человек, которого она любила, не был монстром. Что правда, какой бы страшной она ни была, всё-таки существует.

— Я не верю тебе, — сказала она, но в её голосе не было той уверенности, которая звучала ещё несколько минут назад. — Я не могу тебе верить. Слишком многое не сходится. Слишком много лжи.

— Тогда проверь, — ответил Максим, и в его голосе прозвучала та настойчивость, которую она помнила по дням их романа. — Найди правду сама. Я не буду тебе мешать. Но я прошу тебя об одном: не доверяй никому. Особенно тем, кто утверждает, что хочет тебе помочь.

Алиса обернулась, и их взгляды снова встретились. В глазах Максима она увидела то, чего не ожидала: страх. Настоящий, неподдельный страх за неё. И ещё что-то — то, что она когда-то принимала за любовь и в чём теперь боялась себе признаться.

— Мне нужно идти, — сказала она, отступая к двери. — Я возьмусь за реставрацию. Но не потому, что верю тебе. А потому, что хочу узнать правду о своей матери. И о брате. И о тебе.

Максим кивнул, и в его глазах промелькнула тень улыбки — горькой, усталой, но всё же улыбки.

— Я знал, что ты согласишься, — сказал он тихо. — Ты всегда была слишком упрямой, чтобы отступить.

Алиса не ответила. Она развернулась и пошла к выходу, чувствуя, как спину прожигает его взгляд. У самой двери она остановилась, не оборачиваясь, и произнесла:

— Если ты врёшь мне, Максим, я найду способ тебя уничтожить. Клянусь всем, что у меня осталось.

Она вышла из зала, не дожидаясь ответа. Коридор встретил её тишиной и полумраком, и Алиса шла по нему, не разбирая дороги, чувствуя, как внутри неё рушится что-то важное — стена, которую она строила три года, стена, которая защищала её от боли, но одновременно не давала дышать полной грудью.

На улице шёл снег. Алиса села в такси, назвала адрес мастерской и всю дорогу смотрела в окно, не видя ничего перед собой. В голове звучал голос Максима, и она пыталась понять, что из услышанного — правда, а что — очередная ложь. Она вспоминала его глаза, его голос, его слова, и в какой-то момент поймала себя на мысли, что готова поверить ему. Готова рискнуть. Готова снова впустить его в свою

жизнь, несмотря на все опасности, которые это сулило.

И от этого осознания ей стало по-настоящему страшно.

Глава 4. Тот, кто всегда рядом

Ресторан, в который Даниил пригласил Алису, назывался «Северный ветер» и располагался на последнем этаже одного из тех стеклянных небоскрёбов, что выросли за последние годы на Петроградской стороне, изменив облик города почти до неузнаваемости. Отсюда открывался вид на Неву, на купола и шпили, на мосты, повисшие над тёмной водой, как застывшие в прыжке хищные птицы. Алиса пришла первой, и метрдотель, узнав её имя, проводил к столику у панорамного окна, где уже горела свеча в высоком подсвечнике, отбрасывая на скатерть тёплые дрожащие блики. Она заказала бокал белого вина — не столько чтобы выпить, сколько чтобы чем-то занять руки, — и принялась ждать, глядя на огни города, расплывающиеся за стеклом в морозной дымке.

Даниил появился через десять минут, и Алиса отметила про себя, как он изменился за последние месяцы. Соколов всегда был крупным мужчиной — широкоплечим, чуть грузноватым, с тем основательным спокойствием во всей фигуре, которое вызывает у людей доверие с первого взгляда. Но теперь в его облике появилась какая-то новая собранность, подтянутость, словно он внутренне сжался, готовясь к чему-то. Он подошёл к столику, улыбнулся — тепло, по-настоящему, как умел только он, — и опустился в кресло напро-

тив, положив на край стола папку, с которой никогда не расставался.

— Прости за опоздание, — сказал он, и голос его звучал чуть хрипловато, как у человека, который провёл день в разговорах. — Совещание затянулось. Ты давно здесь?

— Минут двадцать, — ответила Алиса, отпивая вина. — Ничего страшного. Я люблю этот вид.

Даниил обернулся к окну, посмотрел на заснеженные крыши, на тёмную ленту реки, и на его лице появилось выражение, которое Алиса видела много раз, — задумчивое, чуть отстранённое, словно он одновременно находился здесь и где-то далеко, в лабиринтах собственных мыслей. Они познакомились три года назад, в тот самый день, когда Алисе сообщили о том, что машина брата найдена в заливе. Даниил вёл это дело, и он же пришёл к ней домой — не по служебной обязанности, а потому что почувствовал, что не может оставить её одну. Он сидел с ней до утра, молчал, когда она плакала, приносил чай, когда она не могла встать с дивана, и говорил те простые, необходимые слова, которые не лечат, но помогают дожить до следующего дня. С тех пор он всегда был рядом — не навязчиво, не требуя ничего взамен, просто рядом. И Алиса постепенно привыкла к его присутствию, к его тихой заботе, к тому, что в мире, полном лжи и предательства, есть хотя бы один человек, на которого можно положиться.

— Ты сегодня какая-то другая, — сказал Даниил, внима-

тельно глядя на неё. — Что-то случилось?

Алиса замялась. Она не знала, стоит ли рассказывать ему о встрече с Максимом, о том разговоре в галерее, о сомнениях, которые он в неё посеял. Даниил был следователем, человеком, привыкшим работать с фактами, и он всегда относился к Максиму Орлову с той холодной подозрительностью, которая граничила с неприязнью. Он считал Максима виновным в гибели Дмитрия — или, по крайней мере, причастным к ней, — и Алиса знала, что любое упоминание имени Орлова вызовет у него предсказуемую реакцию.

— Я была в особняке Орловых, — сказала она наконец, решив, что правда всё равно всплывёт. — Мне предложили работу. Реставрацию картины из их коллекции.

Даниил отставил бокал, который только что взял со стола, и его лицо мгновенно изменилось — стало жёстче, собраннее, словно он надел маску, за которой привык скрывать эмоции.

— Ты согласилась? — спросил он, и в голосе его прозвучала та настороженность, которую Алиса ожидала услышать.

— Согласилась.

— Алиса, — Даниил подался вперёд, и его руки легли на стол, сжавшись в кулаки, — ты понимаешь, что это может быть опасно? Ты понимаешь, что они могут использовать тебя? После всего, что произошло с Дмитрием, ты идёшь туда добровольно?

— Я иду туда не добровольно, — ответила Алиса, и в её

голосе прозвучала та твёрдость, которую она сама в себе не ожидала. — Я иду туда, потому что хочу узнать правду. О брате. О том, что случилось три года назад. О том, кто на самом деле виновен в его гибели.

Даниил откинулся на спинку кресла и несколько секунд молчал, глядя на неё с выражением, которое она не могла расшифровать. В его глазах промелькнуло что-то — тревога, раздражение, а может быть, что-то более сложное, спрятанное глубоко внутри.

— Я тоже хочу узнать правду, — сказал он наконец. — Я три года работаю над этим делом. Я знаю о нём больше, чем кто-либо. Но я не могу допустить, чтобы ты рисковала собой ради этого.

— Это моя жизнь, — возразила Алиса. — Моя семья. Моё право.

— А если ты пострадаешь? — Даниил наклонился вперёд, и в его голосе прозвучала такая искренняя боль, что у Алисы сжалось сердце. — Если с тобой что-то случится, я себе этого не прощу. Я уже однажды не уберёг человека, которого любил. Я не могу потерять ещё и тебя.

Алиса замерла. Она знала историю Даниила — знала, что несколько лет назад он потерял жену, погибшую в автокатастрофе, и что эта потеря оставила в его душе рану, которая так и не зажила. Он редко говорил об этом, но Алиса видела иногда в его глазах ту тоску, которую не могла заглушить никакая работа, никакая забота о других, никакое чувство

долга.

— Даниил, — сказала она мягко, — я не твоя жена. И я не нуждаюсь в защите.

— Я знаю, — ответил он, и в его голосе прозвучала та горечь, которая появлялась всякий раз, когда разговор касался их отношений. — Но я не могу перестать о тебе беспокоиться. Ты это знаешь. Ты знаешь, что я чувствую к тебе. И я не хочу, чтобы ты снова оказалась втянута в историю, которая может тебя уничтожить.

Алиса опустила глаза, чувствуя, как в душе поднимается знакомая тяжесть. Она знала о чувствах Даниила — он признался ей несколько недель назад, тихо и осторожно, как человек, который боится спугнуть то, что ещё не успело расцвести. Она не ответила ему тогда ни согласием, ни отказом, потому что сама не знала, что чувствует. Даниил был надёжным, добрым, внимательным — всем тем, чего ей так не хватало в жизни. Но где-то глубоко внутри, в том тёмном уголке души, который она старательно прятала от себя самой, жило воспоминание о Максиме — воспоминание, которое не хотело умирать, которое возвращалось каждую ночь, которое напоминало о себе при каждом случайном запахе сандала и кедра.

— Я ценю твою заботу, — сказала Алиса, тщательно подбирая слова. — Правда. Но я не могу позволить тебе решать за меня. Я должна сама пройти этот путь. Иначе я никогда не смогу жить дальше.

Даниил долго смотрел на неё, и в его глазах боролись два чувства: желание защитить и уважение к её выбору. Наконец он кивнул, и в его взгляде появилось что-то похожее на смирение.

— Хорошо, — сказал он. — Но обещай мне одну вещь. Если ты что-то узнаешь — что-то важное, что-то опасное, — ты расскажешь мне. Не будешь играть в одиночку. Договорились?

Алиса кивнула, хотя внутри неё что-то противилось этому обещанию. Она не знала, кому верить, не знала, на чьей стороне правда, и в этой неопределённости даже самые близкие люди казались ей потенциальной угрозой.

Официант принёс заказ — Алиса выбрала лёгкий салат и рыбу, Даниил — стейк с кровью, — и они ели в молчании, которое не было тягостным, но и не было уютным. Алиса думала о Максиме, о его словах, о том, как он смотрел на неё в галерее. Даниил думал о чём-то своём, и его взгляд время от времени становился отстранённым, словно он прокручивал в голове какой-то сложный сценарий. Когда подали десерт — Алиса отказалась, Даниил заказал чашку эспresso, — он неожиданно заговорил снова, и в его голосе прозвучала та деловая интонация, которую она знала по дням расследования.

— Ты помнишь, я говорил тебе, что дело Дмитрия до сих пор не закрыто? — спросил он, помешивая кофе. — Формально оно приостановлено, но я продолжаю работать над

ним. Неофициально.

Алиса напряглась. Она знала, что Даниил не оставил попыток выяснить правду, но он редко делился с ней подробностями — вероятно, чтобы не травмировать лишний раз.

— И что ты нашёл? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Пока ничего конкретного, — ответил Даниил, но в его глазах промелькнула та тень, которая говорила о том, что он знает больше, чем говорит. — Но есть одна деталь, которая меня беспокоит. В последние месяцы перед исчезновением Дмитрий встречался с людьми, которые не имеют отношения к его обычному кругу общения. Я проверил несколько имён — это люди, связанные с финансовыми структурами семьи Орловых. Не напрямую, через посредников. Но связь есть.

Алиса почувствовала, как внутри всё сжимается. Она вспомнила слова Максима: «Твой брат был в чём-то замешан. Во что-то опасное». Неужели это правда? Неужели Дмитрий действительно копал под Орловых, и это стало причиной его гибели?

— Ты думаешь, он что-то узнал? — спросила она, и голос её дрогнул. — Что-то, за что его убили?

— Я думаю, что он был близок к чему-то важному, — ответил Даниил, и в его голосе прозвучала та осторожность, с которой люди сообщают о вещах, которые сами до конца не понимают. — И я думаю, что кто-то очень не хотел, чтобы он это «что-то» обнародовал. Но я не знаю, кто именно. И

я не знаю, связано ли это с Максимом Орловым напрямую или с кем-то из его окружения.

Алиса молчала, переваривая услышанное. Она вспомнила запонку, найденную в кармане платья, — запонку с гербом Орловых. Она вспомнила слова Максима о том, что он пытался защитить её брата, но не успел. Она вспомнила его глаза, в которых было столько боли, что невозможно было поверить в их фальшь.

— Даниил, — сказала она, — а что, если Максим не виновен? Что, если он говорит правду?

Даниил поднял на неё глаза, и в них промелькнуло что-то — не злость, не раздражение, а что-то более глубокое, более сложное. Он медленно поставил чашку на блюдце и произнёс:

— Я не исключаю такой возможности. Но я также не исключаю, что он очень хорошо умеет лгать. И я бы на твоём месте не делал поспешных выводов. Особенно теперь, когда ты... — он запнулся, словно не решаясь произнести то, что вертелось у него на языке.

— Когда я что? — спросила Алиса, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

Даниил смотрел на неё несколько секунд, а затем покачал головой, словно отгоняя какую-то мысль.

— Ничего, — сказал он, но Алиса заметила, как что-то изменилось в его лице, как промелькнула в глазах тень, которую он поспешно спрятал. — Просто будь осторожна. И

если что-то покажется тебе странным — сразу звони мне. В любое время. Ты знаешь.

Она кивнула, но внутри осталось неприятное чувство, словно она упустила что-то важное. Даниил знал больше, чем говорил, — это было очевидно. Но что именно он скрывал? И почему?

Они вышли из ресторана около десяти. Снег усилился, превратив улицы в белые тоннели, и город казался пустым и безмолвным, словно вымершим. Даниил предложил подвезти Алису до дома, и она согласилась, хотя внутри неё что-то противилось этому. В машине играло тихое радио, и ведущий говорил о надвигающемся циклоне, о пробках на дорогах, о ценах на бензин — о вещах обыденных и незначительных, которые вдруг показались Алисе невероятно далёкими от того, что происходило в её жизни.

— Алиса, — сказал Даниил, когда они подъехали к её дому, — я хочу, чтобы ты знала: что бы ни случилось, я рядом. Всегда. Ты можешь на меня положиться.

Она посмотрела на него — на это открытое, честное лицо, на эти глаза, в которых светилась искренняя забота, — и почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Даниил был хорошим человеком. Надёжным. Добрым. Тем, кто никогда её не предаст. И всё же, когда он наклонился, чтобы поцеловать её в щёку, Алиса невольно отстранилась — едва заметно, почти незаметно, но он почувствовал это и замер, и в его глазах промелькнула боль, которую он тут же спрятал.

— Спокойной ночи, — сказал он ровно и вышел из машины, чтобы открыть ей дверь.

Алиса поднялась в квартиру, заперла дверь на все замки, сняла пальто и прошла в спальню. Она села на кровать, не включая свет, и долго смотрела в темноту, пытаясь разобраться в том хаосе, который царил в её душе. Два мужчины. Две версии правды. И одна ночь, которая стёрлась из её памяти, но которая определила всю её дальнейшую жизнь.

Она достала телефон и открыла сообщения. Среди десятков уведомлений, рекламных рассылок и напоминаний мелькнуло одно, отправленное с незнакомого номера полчасика назад:

«Ты сделала правильный выбор, согласившись на работу. Но будь осторожна. Не все, кто называет себя друзьями, желают тебе добра».

Алиса уставилась на экран, чувствуя, как по спине пробегает холод. Кто-то следил за ней. Кто-то знал о её встрече с Максимом. Кто-то наблюдал за каждым её шагом.

Она выключила телефон, легла на кровать, не раздеваясь, и закрыла глаза. Сон не шёл. В голове крутились обрывки фраз, лица, тени. Максим, смотрящий на неё с болью. Даниил, отводящий взгляд. Запонка с гербом. Анонимные сообщения. И где-то в глубине всего этого — ребёнок, который ещё не родился, но уже стал центром чужой игры.

Алиса прижала ладонь к животу и прошептала в темноту: — Я найду правду. Что бы это ни стоило. Я найду.

За окном выл ветер, бросая в стекло снежинки, и город спал, не подозревая о том, что где-то в одной из квартир старого дома на канале Грибоедова женщина ведёт свою войну — с ложью, с прошлым, с собственным сердцем.

Глава 5. Приём, на котором все лгут

Особняк Орловых в тот вечер сиял огнями так, что казалось, будто внутри дома зажглось маленькое солнце, которое не желало считаться с законами природы и наступающей ночью. Гигантские люстры, подвешенные в бальных залах, переливались хрустальными подвесками, отражая свет сотен свечей, расставленных в канделябрах вдоль стен, и от этого великолепия у Алисы, стоявшей у входа в главную галерею, на мгновение закружилась голова. Она поправила подол тёмно-изумрудного платья, которое выбрала специально для этого вечера — строгое, но элегантное, с открытыми плечами и длинными рукавами из тонкого шёлка, — и глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь в руках. Сегодня ей предстояло не просто присутствовать на закрытом благотворительном приёме, куда её пригласили в качестве реставратора, которому доверено представить отреставрированную картину из коллекции Орловых. Сегодня ей предстояло войти в логово зверя — туда, где три года назад рухнула её жизнь, где она потеряла брата, любовь и веру в людей, и где теперь ей предстояло найти ответы на вопросы, которые не давали ей спать по ночам.

Гостей было много — Алиса насчитала не меньше сотни человек, — и все они, казалось, принадлежали к тому особому кругу людей, для которых богатство было не целью, а естественным состоянием, не требующим ни доказательств, ни объяснений. Мужчины в безупречных смокингах, женщины в вечерних платьях от кутюр, увешанные драгоценностями так щедро, что блеск камней слепил глаза, — всё это создавало ощущение нереальности, театральности, словно Алиса попала на съёмки фильма о жизни, которой никогда не существовало. Официанты в белых перчатках скользили между гостями с подносами, уставленными бокалами с шампанским и крошечными канапе, и тихая классическая музыка лилась откуда-то сверху, из невидимых динамиков, создавая фон, на котором голоса людей сливались в единый, неразборчивый гул.

Алиса взяла с подноса бокал шампанского, хотя пить не собиралась — ей нужно было чем-то занять руки, — и медленно пошла вдоль стены, рассматривая гостей. Она узнавала некоторые лица: вот известный политик, чьи выступления регулярно показывали по телевизору; вот владелец крупнейшей строительной компании города; вот женщина, которую светские хроники называли самой богатой невестой Северной столицы. Все эти люди были связаны с семьёй Орловых — деловыми интересами, дружбой, родственными узами, — и все они, как прекрасно понимала Алиса, знали друг о друге то, что никогда не попадало в прессу. Она чувствовала себя

чужой на этом празднике жизни, случайно забредшей в чужой мир, где правила игры были известны всем, кроме неё.

— Алиса Дмитриевна, — раздался голос за спиной, и она обернулась, едва не расплескав шампанское. Перед ней стоял мужчина лет пятидесяти, с гладко выбритым лицом и холодными, как зимнее небо, глазами. — Позвольте представиться. Виктор Андреевич Орлов. Отец Максима.

Алиса почувствовала, как внутри всё сжалось. Она никогда не встречалась с Виктором Орловым лично — три года назад, когда она была влюблена в его сына, он находился за границей, и Максим предпочитал не говорить о нём, — но она много слышала об этом человеке. Говорили, что он начал с нуля, что сколотил состояние на рискованных сделках, что не брезговал никакими методами в достижении целей, и что за его безупречными манерами скрывается безжалостный делец, привыкший решать проблемы радикально и окончательно.

— Очень приятно, — сказала Алиса, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Спасибо за приглашение. Это большая честь для меня.

Виктор Орлов улыбнулся — улыбкой, которая не коснулась его глаз, — и взял с подноса проходившего официанта бокал шампанского. Он сделал глоток, глядя на Алису поверх стекла, и в его взгляде читалась та оценивающая внимательность, с которой хищник изучает добычу.

— Мой сын много о вас рассказывал, — сказал он, и в

его голосе прозвучала та двусмысленность, которая заставила Алису насторожиться. — Я знал, что вы талантливый режиссёр. Но не знал, что вы настолько... — он сделал паузу, словно подбирая слово, — настойчивы.

— Настойчивы? — переспросила Алиса, не понимая, к чему он клонит.

— Вы согласились работать с нашей семьёй после всего, что произошло, — ответил Виктор Орлов, и в его глазах мелькнула тень, которую Алиса не смогла расшифровать. — Это говорит либо о большом мужестве, либо о большой нужде. Впрочем, — он отставил бокал и посмотрел на неё с той холодной вежливостью, которая бывает страшнее открытой угрозы, — я не собираюсь обсуждать дела на приёме. У нас будет время поговорить. Позже.

Он кивнул ей — коротко, по-деловому, — и растворился в толпе гостей, оставив Алису стоять с бокалом в руке, чувствуя себя так, словно её только что окатили ледяной водой. Что он имел в виду? Что за разговор его ждёт? И почему от его слов веяло такой угрозой?

Она сделала несколько шагов в сторону, пытаясь унять нарастающую тревогу, и в этот момент поймала на себе взгляд. Максим стоял у противоположной стены, в окружении нескольких мужчин в смокингах, и смотрел на неё — пристально, не отрываясь, словно пытаясь передать ей что-то через расстояние и толпу. Их глаза встретились, и Алиса почувствовала, как по спине пробежал знакомый холо-

док — тот самый, который она так старательно пыталась забыть. Максим чуть заметно покачал головой, словно предупреждая о чём-то, и Алиса, повинувшись инстинкту, перевела взгляд туда, куда он смотрел. У входа в галерею, среди группы гостей, стоял Даниил Соколов.

Алиса замерла. Даниила не должно было быть здесь — он сам говорил ей, что не получил приглашения, что этот приём предназначен только для узкого круга людей, связанных с семьёй Орловых. И всё же он был здесь, в безупречном тёмно-сером костюме, с бокалом в руке, и разговаривал с каким-то мужчиной, которого Алиса не знала. Он выглядел спокойным и уверенным, словно находился на своём месте, словно присутствие здесь было для него естественным и привычным.

Алиса почувствовала, как внутри поднимается волна вопросов. Почему Даниил скрыл от неё своё присутствие на приёме? Почему он не сказал, что всё-таки собирается прийти? И самое главное — что он здесь делал?

Она сделала шаг в его сторону, намереваясь подойти и спросить напрямую, но в этот момент свет в зале начал меркнуть. Музыка стихла, и голоса гостей постепенно смолкли, уступая место той напряжённой тишине, которая предшествует важным объявлениям. Алиса остановилась, оглядываясь по сторонам, и увидела, что все взгляды устремлены к небольшому помосту в центре зала, где стоял Виктор Орлов. В руках он держал конверт — плотный, кремовый, с чем-то

написанным на лицевой стороне.

— Дамы и господа, — произнёс Виктор Орлов, и его голос, усиленный микрофоном, разнёсся по залу, отражаясь от высоких потолков. — Прежде чем мы начнём основную часть вечера, я хотел бы поделиться с вами одним... неожиданным обстоятельством. Сегодня утром я получил письмо. Анонимное. В нём говорится, что среди нас находится человек, который много лет скрывал правду о событиях, связанных с гибелью одного известного в наших кругах человека. Я не знаю, кто автор этого письма и насколько правдивы его слова. Но я знаю одно: тот, кто написал это, хочет, чтобы правда стала известна. И я, как хозяин дома, не могу проигнорировать такое заявление.

По залу прокатился шёпот — удивлённый, настороженный, местами испуганный. Алиса почувствовала, как сердце начинает биться быстрее. Гибель известного человека. Она не сомневалась, о ком идёт речь. О её брате.

— Я не буду называть имён, — продолжал Виктор Орлов, и в его голосе прозвучала та театральность, которая выдавала в нём опытного манипулятора. — Но я предлагаю тому, кто написал это письмо, выйти и открыто заявить о том, что ему известно. Я гарантирую ему защиту. Я гарантирую, что его слова будут услышаны. И я гарантирую, что тот, кто виновен в смерти невиновного человека, понесёт заслуженное наказание.

Алиса слушала эти слова и чувствовала, как внутри всё

холодеет. Она не верила ни одному слову Виктора Орлова. Она видела его глаза — холодные, расчётливые, — и понимала, что этот человек играет в какую-то сложную игру, ставки в которой ей неизвестны. Он не искал правду. Он искал способ уничтожить кого-то — возможно, того, кто слишком много знал, или того, кто стал неудобен, или того, кто мог угрожать его власти.

Она перевела взгляд на Максима. Он стоял в стороне, скрестив руки на груди, и его лицо было напряжённым, словно он ждал чего-то — или боялся. Их взгляды снова встретились, и в этот раз Алиса увидела в его глазах не предупреждение, а страх. Настоящий, неподдельный страх.

В этот момент погас свет.

Не просто мигнул или на секунду отключился — погас полностью, разом, словно кто-то перерезал кабель, идущий к главному щитку. Зал погрузился в абсолютную, непроницаемую тьму, и в этой тьме раздались крики, звон разбитого стекла, топот бегущих ног. Алиса почувствовала, как чья-то рука схватила её за запястье — сильно, до боли, — и потащила в сторону. Она попыталась вырваться, но хватка была железной, и голос, прозвучавший у самого уха, был ей незнаком — низкий, хриплый, с той особенной интонацией, которая бывает у людей, привыкших отдавать приказы.

— Иди за мной. Молчи. Иначе умрёшь.

Алиса не знала, сколько времени они шли в темноте — минуту, две, десять. Она слышала только собственное дыха-

ние, стук собственного сердца и шаги человека, который тащил её за собой. Потом впереди мелькнул свет — слабый, дрожащий, словно от свечи, — и Алиса увидела, что её ведут по узкому коридору, который, судя по запаху, находился в подвальном этаже особняка. Человек, который её тащил, был высоким и широкоплечим, в тёмном костюме, и лица его она не видела.

— Кто вы? — прошептала она, пытаясь остановиться. — Что вам нужно?

Человек не ответил. Он толкнул какую-то дверь, и Алиса оказалась в маленькой комнате без окон, освещённой единственной лампочкой, висевшей под потолком. В комнате стоял стол, два стула и больше ничего. Человек отпустил её руку и отошёл к стене, встав так, чтобы свет падал ему на лицо. Алиса узнала его — это был один из охранников особняка, мужчина лет сорока, с тяжёлой челюстью и шрамом через левую бровь.

— Ждите здесь, — сказал он. — С вами хотят поговорить.

— Кто? — спросила Алиса, но охранник уже вышел, и дверь за ним закрылась с тяжёлым, глухим щелчком.

Алиса осталась одна. Она села на стул, чувствуя, как дрожат колени, и попыталась собраться с мыслями. Что происходит? Кто хочет с ней поговорить? И почему для этого понадобилось устраивать отключение света и похищение?

Ответ пришёл через несколько минут. Дверь открылась, и на пороге появился человек, которого Алиса меньше всего

ожидала увидеть. Это был Даниил Соколов.

Он вошёл в комнату, закрыл за собой дверь и остановился, глядя на неё с выражением, которое она не могла расшифровать — смесь тревоги, решимости и чего-то ещё, более тёмного, более сложного.

— Даниил? — Алиса поднялась со стула. — Что происходит? Почему ты здесь? Что всё это значит?

Он подошёл ближе и взял её за руки. Его ладони были холодными, и от этого прикосновения Алисе стало не по себе.

— Я знаю, что ты напугана, — сказал он тихо, и в его голосе прозвучала та осторожность, с которой люди сообщают о вещах, которые могут ранить. — Но у меня не было выбора. Я должен был тебя предупредить. Виктор Орлов знает о ребёнке. Он знает, что ты беременна, и он собирается использовать это, чтобы шантажировать тебя. И Максима.

Алиса почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она смотрела на Даниила — на его лицо, на его глаза, на его руки, которые держали её, — и не понимала, что происходит. Как Виктор Орлов мог узнать о беременности? Она сама узнала всего несколько дней назад. Она не говорила никому. Даже Даниилу.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она, и голос её дрогнул. — Откуда ты знаешь о ребёнке?

Даниил смотрел на неё несколько секунд, и в его глазах промелькнула тень — та самая, которую она заметила в ресторане, когда он спросил её о враче. А затем он произнёс

слова, от которых всё внутри неё оборвалось:

— Потому что я знал о твоей беременности раньше, чем ты сама. Я знал с той самой ночи. И я знаю, кто отец твоего ребёнка.

Алиса отшатнулась, вырывая руки. Она смотрела на Даниила — на человека, которому доверяла, на человека, который был рядом все эти годы, — и впервые за всё время видела перед собой незнакомца. Холодного, расчётливого, скрывающего что-то, что могло перевернуть всю её жизнь.

— Кто? — спросила она, и голос её прозвучал так, словно принадлежал кому-то другому. — Кто отец моего ребёнка?

Даниил молчал. Он смотрел на неё с выражением, в котором боролись боль, страх и что-то ещё — что-то, что Алиса не могла понять. А затем он произнёс:

— Я скажу тебе. Но не здесь. Не сейчас. Сначала мы должны выбраться отсюда. Потом я расскажу тебе всё. Обещаю.

Он протянул ей руку, но Алиса не двинулась с места. Она стояла и смотрела на него — на человека, которого считала другом, защитником, возможно, даже кем-то большим, — и понимала, что всё, что она знала о нём, было ложью. Или правдой. Или чем-то средним, что не поддавалось никакой логике.

— Даниил, — сказала она медленно, — если ты сейчас уйдёшь и не скажешь мне правду, я никогда тебя не прощу. Никогда.

Он выдержал её взгляд. А затем кивнул — коротко, се-

рьёзно, — и произнёс:

— Хорошо. Ты права. Ты заслуживаешь правды. — Он глубоко вдохнул, словно собираясь с силами, и продолжил: — Отец твоего ребёнка — Максим Орлов. Но это не всё. Есть кое-что ещё. Кое-что, что ты должна знать. И это изменит всё.

Алиса слушала его слова, и мир вокруг неё рушился — медленно, кирпич за кирпичом, — оставляя после себя только пустоту и страх. Она стояла в подвале особняка Орловых, в комнате без окон, и чувствовала, как время останавливается, как воздух становится тяжёлым и густым, как всё, во что она верила, обращается в прах.

— Что? — прошептала она. — Что ещё?

Даниил открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент за дверью раздались шаги — быстрые, тяжёлые, приближающиеся. Дверь распахнулась, и на пороге появился Максим Орлов. Его лицо было бледным, в глазах горел огонь, а в руке он держал пистолет.

— Отойди от неё, — произнёс он, и голос его был холоден, как сталь. — Немедленно.

Даниил медленно поднял руки, но не двинулся с места. Он смотрел на Максима с выражением, в котором не было страха — только что-то другое, более сложное, более опасное.

— Ты опоздал, Орлов, — сказал он тихо. — Я уже начал говорить.

Максим сделал шаг вперёд, и Алиса, стоявшая между дву-

мя мужчинами, вдруг поняла, что находится в эпицентре бури, которая вот-вот разразится. Она смотрела на них — на человека, которого любила, и на человека, которому доверяла, — и не знала, кому из них верить. А может быть, не верить никому.

— Алиса, — сказал Максим, не отводя взгляда от Даниила, — иди ко мне. Медленно. Не оборачивайся.

— Не слушай его, — сказал Даниил. — Он лжёт. Он всегда лгал. Ты знаешь это.

— Замолчи, — процедил Максим сквозь зубы.

— Нет, — ответил Даниил, и в его голосе прозвучала та твёрдость, которую Алиса слышала у него лишь однажды — когда он говорил о своей погибшей жене. — Ты не будешь указывать мне, что делать. Не после всего, что ты сделал. Не после того, как ты позволил её брату умереть.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец. Алиса переводила взгляд с одного мужчины на другого, и в её душе поднималась волна такого отчаяния, что она готова была закричать. Она не знала, кто из них говорит правду. Она не знала, кому верить. Она не знала, что делать.

А потом свет снова погас.

Глава 6. Семнадцать минут темноты

Тьма обрушилась на Алису не как что-то внешнее, а как живое существо — плотное, тягучее, заполнившее лёгкие так, что дышать стало трудно, почти невозможно. Она услы-

шала, как где-то совсем рядом грохнул выстрел, и звук этот, многократно отражённый от стен подвала, превратился в оглушительный раскат, от которого заложило уши и на мгновение остановилось сердце. Алиса инстинктивно присела, прижавшись спиной к холодной стене, и почувствовала, как под пальцами осыпается старая побелка, превращаясь в мелкую, едкую пыль. Где-то в темноте раздался голос Максима — резкий, повелительный, но с той особенной хрипотцой, которая выдавала волнение:

— Не двигайся! Оставайся на месте!

Ответом ему был другой голос — голос Даниила, и в нём звучала не ярость, а что-то более страшное: холодное, почти спокойное отчаяние человека, которому уже нечего терять.

— Ты не выстрелишь, Орлов. Ты никогда не умел нажимать на курок. Ты всегда предпочитал, чтобы за тебя это делали другие.

Алиса слышала, как шаги двух мужчин смещаются в темноте, как скрипят половицы под их весом, как воздух наполняется той электрической напряжённостью, которая предшествует схватке. Она попыталась отползти в сторону, найти выход, но ладони натыкались только на гладкие, холодные стены, а пол под ногами казался бесконечным, словно она оказалась в лабиринте, из которого не было выхода. Где-то далеко наверху, в бальном зале, продолжали кричать гости, и от этого далёкого гула становилось ещё страшнее — там был мир, там были люди, там был свет, а здесь, в подвале,

остались только трое, запертые в темноте вместе со своими тайнами.

Внезапно Алиса услышала ещё один звук — тихий, почти неслышный, но от него по спине пробежал холодок. Это был шёпот. Кто-то шептал её имя — негромко, настойчиво, с той интонацией, которую она не могла спутать ни с чем. Она замерла, прислушиваясь, и шёпот повторился — теперь ближе, отчётливее, словно человек стоял прямо за её спиной.

— Алиса... Алиса, не бойся...

Голос был знаком ей до боли, до спазма в горле, до слёз, которые внезапно навернулись на глаза. Это был голос её брата. Того самого брата, чью машину нашли на дне Финского залива три года назад. Того самого брата, которого она оплакивала все эти годы.

— Дима? — прошептала она в темноту, и голос её сорвался. — Дима, это ты? Ты жив?

Ответа не было. Только шёпот, который становился всё тише, растворяясь в темноте, как дым. Алиса протянула руку, пытаясь нащупать того, кто говорил, но пальцы схватили только пустоту. Она попыталась встать, но ноги не слушались, и она осталась сидеть на холодном полу, чувствуя, как слёзы катятся по щекам, смешиваясь с пылью и грязью.

В этот момент чья-то рука схватила её за плечо — сильно, грубо, до боли. Алиса вскрикнула и попыталась вырваться, но хватка была железной. Её потащили куда-то — вверх, по лестнице, через тёмные коридоры, где пахло сыростью и ста-

рой мебелью. Она слышала тяжёлое дыхание человека, который её тащил, чувствовала, как под ногами скользят ступени, как колотится сердце — не от страха, а от того отчаянного, злого упрямства, которое поднималось откуда-то из глубины, из самого дна её существа. Она не позволит себя убить. Не позволит убить своего ребёнка.

Она попыталась запомнить дорогу — поворот, ещё поворот, длинный коридор, ещё одна лестница, — но темнота путала все ориентиры, стирала границы между реальностью и кошмаром. В какой-то момент её тащили через комнату, где пахло гарью и порохом, и Алиса услышала обрывок разговора — два голоса, перебивающих друг друга, злых, взволнованных:

— ...он знает слишком много... избавиться... сейчас, пока не поздно...

— ...не здесь... слишком много свидетелей... вывезти...

Потом был удар — резкий, неожиданный, — и Алиса почувствовала, как что-то тёплое стекает по виску. Она попыталась удержаться на ногах, но тело не слушалось, и она начала падать в какую-то бездонную пропасть, где не было ни света, ни звука, ни боли. Последнее, что она увидела — или ей показалось, что увидела, — было лицо Максима. Он стоял в дверном проёме, освещённый слабым, дрожащим светом, и на его лице было выражение такого отчаяния, такой муки, что Алиса, падая в темноту, успела подумать: «Он не виноват. Он никогда не был виноват».

А потом всё исчезло.

Она пришла в себя от того, что кто-то настойчиво тряс её за плечо. Алиса открыла глаза и увидела перед собой незнакомый потолок — серый, с трещинами, покрытый тонкой паутиной. Она лежала на кровати, слишком мягкой и слишком накрахмаленной, и в первое мгновение не могла понять, где находится. Тело болело так, словно её били — голова раскалывалась, во рту пересохло, а левое запястье, когда она попыталась пошевелить рукой, отозвалось резкой, острой болью. Она медленно повернула голову и увидела женщину в белом халате, стоявшую над ней с встревоженным лицом.

— Вы меня слышите? — спросила женщина, наклоняясь ближе. — Как ваше имя? Вы помните, что с вами произошло?

Алиса попыталась ответить, но горло было сухим, как наждачная бумага, и вместо слов получился только хрип. Женщина поднесла к её губам стакан с водой, и Алиса сделала несколько жадных глотков, чувствуя, как вода возвращает её к жизни.

— Где я? — наконец выговорила она. — Что это за место?

— Вы в частной клинике на Васильевском острове, — ответила женщина, и в её голосе прозвучала та профессиональная ровность, которая бывает у медиков, привыкших к подобным вопросам. — Вас привезли ночью. Без сознания.

С травмой головы и множественными ушибами. Мы оказали вам первую помощь, но вам нужно полное обследование. Особенно с учётом вашего... положения.

Алиса замерла. Положения. Женщина знала о её беременности. Откуда? Она сама узнала всего несколько дней назад и не говорила никому — ни врачу, ни Даниилу, ни Максиму. И всё же здесь, в этой клинике, кто-то уже знал.

— Кто меня привёз? — спросила она, пытаясь приподняться на локтях. — Кто вызвал врачей?

Женщина замялась, и в её глазах промелькнула та тень, которая выдаёт человека, которому велено молчать. Она поправила одеяло, словно выигрывая время, а затем произнесла:

— Мужчина. Он не назвал себя. Сказал только, что вы — его невеста и что у вас был нервный срыв. Он оставил все необходимые документы и оплатил лечение на месяц вперёд.

Невеста. Алиса почувствовала, как внутри всё сжимается. Даниил. Это мог быть только Даниил. Он единственный, кто называл её так — пусть и в шутку, пусть и осторожно, но с той настойчивостью, которая выдавала его истинные намерения.

— Где мой телефон? — спросила она, оглядываясь по сторонам. — Где мои вещи?

— Ваши вещи в шкафу, — ответила женщина, указывая на дверцу в углу палаты. — Телефон мы не нашли. Возможно, он остался в машине или потерялся. Мы можем позво-

нить кому-нибудь от вашего имени, если хотите.

Алиса покачала головой. Она не знала, кому можно звонить. Она не знала, кому можно верить. Она не знала, что произошло той ночью — в те семнадцать минут темноты, которые стёрлись из её памяти, оставив после себя только обрывки: голос брата, лицо Максима, чьи-то руки, тащившие её сквозь тьму.

— Я хочу уйти, — сказала она, садясь на кровати. — Прямо сейчас.

— Вам нельзя, — возразила женщина, и в её голосе прозвучала та твёрдость, которая бывает у медиков, когда они говорят о вещах, не подлежащих обсуждению. — У вас сотрясение мозга. Вам нужен покой. И вам нужно наблюдаться у врача. Особенно учитывая...

— Я знаю, что мне нужно, — перебила её Алиса, и голос её прозвучал резче, чем она хотела. — И я знаю, что здесь оставаться небезопасно. Если вы не поможете мне уйти, я уйду сама. Но тогда вы будете нести ответственность за то, что случится.

Женщина смотрела на неё несколько секунд, и в её глазах боролись профессиональный долг и что-то ещё — возможно, сочувствие, возможно, понимание. Наконец она вздохнула и кивнула.

— Хорошо. Я помогу вам. Но вы должны пообещать, что обратитесь к врачу, как только сможете. И что не будете перенапрягаться. Вашему ребёнку нужен покой.

Алиса кивнула, хотя внутри неё всё кричало от отчаяния. Она не знала, что будет делать дальше. Не знала, куда идти. Не знала, кому верить. Но она знала одно: она не позволит похоронить себя в этой клинике, среди чужих стен и чужих людей, которые называли её невестой человека, которого она, возможно, совсем не знала.

Через двадцать минут она вышла из клиники через чёрный ход, в котором её проводила та же женщина в белом халате. На улице было холодно, снег падал крупными хлопьями, и город казался чужим и незнакомым. Алиса застегнула пальто, которое кто-то — вероятно, Даниил — оставил в шкафу, и пошла по улице, не разбирая дороги. Она не знала, куда идёт. Она знала только, что не может оставаться на месте.

В кармане пальто, среди складок ткани, её пальцы наткнулись на что-то твёрдое. Она вытащила предмет и увидела, что это телефон — не её, другой, старый, кнопочный, с потёртым корпусом. Кто-то положил его в карман, пока она была без сознания. На экране светилось одно сообщение:

«Алиса. Если ты это читаешь, значит, ты жива. Это главное. Не звони никому. Не возвращайся домой. Иди на адрес, который я тебе пришлю. Там ты найдёшь ответы. И помни: не верь никому. Даже мне. Особенно мне».

Под сообщением был адрес — старый дом на Лиговском проспекте, в районе, где Алиса никогда не бывала. Она смотрела на эти строки, и в душе её боролись два чувства: страх

и надежда. Кто-то пытался её спасти. Кто-то знал о том, что произошло. И этот кто-то — она почему-то была уверена — был тем самым человеком, голос которого она слышала в темноте. Голосом её брата.

Она убрала телефон в карман, подняла воротник пальто и пошла в сторону метро. Снег падал ей на лицо, таял на ресницах, смешиваясь со слезами, которые она уже не пыталась сдерживать. Где-то там, в этом огромном, холодном городе, её ждали ответы. Где-то там был человек, который знал, кто отец её ребёнка. Где-то там была правда, которую кто-то очень не хотел, чтобы она узнала.

Алиса шла по заснеженным улицам, прижимая ладонь к животу, и впервые за долгое время чувствовала, что не одна. Что где-то рядом — в темноте, в холоде, в неизвестности — есть тот, кто протянет ей руку. Даже если этот кто-то — призрак. Даже если этот кто-то — её собственный брат, вернувшийся с того света.

Она не знала, что ждёт её в старом доме на Лиговском. Не знала, кому можно верить. Не знала, чем закончится эта ночь. Но она знала одно: она не остановится. Она найдёт правду. Ради брата. Ради себя. Ради ребёнка, который ещё не родился, но уже стал причиной чужой войны.

И где-то в глубине души, под слоями страха и отчаяния, теплилась робкая надежда: может быть, всё это не напрасно. Может быть, за тьмой, которая поглотила её жизнь, всё-таки есть свет.

Глава 7. Утро после

Старый дом на Лиговском проспекте оказался одним из тех доходных зданий девятнадцатого века, которые чудом пережили революцию, блокаду и десятилетия коммунального запустения, сохранив при этом странную, почти надломленную красоту. Фасад его был покрыт трещинами, похожими на морщины старого лица, лепнина осыпалась, обнажая серый камень, а окна первого этажа были заложены кирпичом, словно здание само пыталось закрыть глаза на окружающий мир. Алиса остановилась перед массивной дубовой дверью, которая, казалось, помнила ещё те времена, когда по Лиговскому цокали копыта извозчичьих лошадей, и посмотрела на кнопку звонка — старинную, бронзовую, с потускневшей от времени гравировкой. Она нажала на неё, и где-то в глубине дома раздался дребезжащий, протяжный звон, от которого по спине пробежал холодок.

Дверь открылась не сразу. Прошла минута, другая, и Алиса уже начала думать, что адрес был ложным, что её сюда заманили, что где-то в темноте подъезда притаился человек с дурными намерениями. Но вот послышались шаги — медленные, шаркающие, — и на пороге появился старик. Он был невысоким, сутулым, с седыми волосами, спадающими на плечи, и лицом, изрезанным глубокими морщинами, словно карта давно минувших событий. Глаза его, светлые, почти прозрачные, смотрели на Алису с той спокойной вниматель-

ностью, которая бывает у людей, давно переставших удивляться чему-либо в этом мире.

— Вы Алиса, — произнёс он не вопросом, а утверждением, и голос его, тихий и хрипловатый, прозвучал так, словно он разговаривал сам с собой. — Я ждал вас. Входите.

Алиса переступила порог и оказалась в длинном, полу-тёмном коридоре, стены которого были увешаны картинами — старыми, потемневшими от времени, в тяжёлых рамах. Пахло пылью, воском и чем-то ещё, неуловимым, но знакомым — возможно, ладаном, возможно, старой бумагой. Старик закрыл за ней дверь и, не оборачиваясь, пошёл вперёд, и Алисе ничего не оставалось, как последовать за ним. Они миновали несколько комнат, каждая из которых была заставлена мебелью, книгами, коробками, и в каждой царил тот особенный, чуть затхлый полумрак, который бывает в домах, где давно не открывают окон. Наконец старик остановился перед дверью в конце коридора и, обернувшись, посмотрел на Алису с выражением, которое она не смогла расшифровать.

— Там вас ждут, — сказал он. — Но прежде чем вы войдёте, я должен вас предупредить. То, что вы услышите, изменит вашу жизнь. Возможно, не так, как вы ожидаете. Возможно, совсем наоборот. Готовы ли вы к этому?

Алиса смотрела на него — на этого странного старика, который говорил загадками, как персонаж старинного романа, — и чувствовала, как внутри неё поднимается та са-

мая злость, которая помогала ей выживать все эти годы. Она устала от загадок. Устала от людей, которые говорили ей полуправду. Устала от того, что её жизнь превратилась в лабиринт, где каждый поворот вёл к новой лжи.

— Я готова, — ответила она, и голос её прозвучал твёрдо. — Открывайте.

Старик кивнул — коротко, одобрительно — и толкнул дверь. Алиса вошла в комнату и замерла на пороге, потому что то, что она увидела, не укладывалось ни в одну из версий, которые она строила в своей голове. Комната была небольшой, с одним окном, выходящим во двор-колодец, и в ней стоял стол, за которым сидели два человека. Одним из них был Максим Орлов — бледный, с перевязанной рукой, с синяком под левым глазом, но живой. Вторым — человек, которого Алиса меньше всего ожидала увидеть. Это был её брат. Дмитрий Воронцов. Живой. Настоящий. Сидевший за столом, как ни в чём не бывало, словно не было трёх лет, проведённых в могиле, словно не было слёз, слёз и ещё раз слёз, которые она пролила, оплакивая его.

Алиса почувствовала, как ноги подкашиваются, как воздух выходит из лёгких, как мир вокруг наклоняется, словно палуба корабля в шторм. Она схватилась за дверной косяк, чтобы не упасть, и в этот момент брат поднялся из-за стола и пошёл к ней. Он двигался так же, как раньше — чуть вразвалку, с той уверенной грацией, которая всегда казалась ей признаком силы, — и на его лице было выражение, которое

она не видела много лет: нежность, смешанная с болью, вина, смешанная с любовью.

— Алиса, — сказал он, и голос его дрогнул. — Малышка. Прости меня. Прости.

Она не помнила, как оказалась в его объятиях. Помнила только, что руки брата сомкнулись вокруг неё, крепко, надёжно, как в детстве, когда он защищал её от всех страхов мира, и что она плакала — беззвучно, судорожно, уткнувшись лицом в его плечо, — а он гладил её по волосам и шептал что-то, чего она не слышала, но что было важнее всех слов на свете.

Сколько времени они так простояли, Алиса не знала. Может быть, минуту, может быть, час. Когда она наконец отстранилась и посмотрела брату в лицо — в это лицо, которое она так часто видела во сне, — она увидела, что он изменился. Постарел. В волосах появилась седина, в уголках глаз — глубокие морщины, а в глазах — та тяжёлая усталость, которая бывает у людей, прошедших через ад и вернувшихся оттуда с пустыми руками.

— Ты жив, — прошептала она, и это было единственное, что она могла сказать. — Всё это время ты был жив.

— Жив, — ответил Дмитрий, и в его голосе прозвучала горечь. — Если это можно назвать жизнью. Три года в подполье, три года под чужим именем, три года в страхе, что тебя найдут и убьют. Я не мог тебе сообщить. Я не мог тебя предупредить. Я не мог даже дать знать, что дышу. Потому

что если бы они узнали, что ты знаешь, они убили бы и тебя.

Алиса отступила на шаг и перевела взгляд на Максима. Он стоял у окна, не двигаясь, и смотрел на неё с выражением, которое она не могла расшифровать — смесь боли, надежды и чего-то ещё, более тёмного, более сложного. Их глаза встретились, и Алиса почувствовала, как внутри неё поднимается волна чувств, с которой она не могла справиться: гнев, обида, недоверие, и где-то глубоко, под всем этим, — то самое чувство, которое она так старательно пыталась похоронить. Любовь. Живая, настоящая, никуда не исчезающая.

— Он знал, — сказала она, кивая на Максима. — Он знал, что ты жив. И молчал.

— Знал, — подтвердил Дмитрий, и в его голосе прозвучала та осторожность, с которой люди говорят о вещах, которые могут ранить. — Но не всё время. Я вышел на него полгода назад. Он помогал мне — деньгами, документами, связями. Он рисковал всем, Алиса. Ради тебя. Ради меня. Ради того, чтобы правда когда-нибудь стала известна.

Алиса снова посмотрела на Максима, и на этот раз он выдержал её взгляд. В его глазах не было ни оправданий, ни мольбы о прощении — только та тихая, упрямая решимость, которую она помнила по дням их романа. Он не просил её верить ему. Он просто ждал, когда она сама сделает выводы.

— Почему ты не сказал мне? — спросила она, и голос её дрогнул. — Почему ты позволил мне думать, что ты убил

моего брата? Почему ты позволил мне ненавидеть тебя все эти годы?

Максим сделал шаг вперёд, но остановился, словно наткнувшись на невидимую преграду. Он смотрел на неё, и в его глазах была такая боль, что Алиса почувствовала, как к горлу подкатывает комок.

— Потому что я не мог тебя защитить, — ответил он, и голос его звучал глухо, словно он говорил через силу. — Потому что, если бы ты знала правду, ты бы начала копать. Ты бы начала задавать вопросы. Ты бы привлекла внимание тех людей, от которых мы прятались. И тогда тебя бы убили. Как убили бы твоего брата, если бы он не инсценировал свою смерть. Я не мог этого допустить. Я не мог потерять тебя.

— Ты потерял меня, — ответила Алиса, и в её голосе прозвучала та горечь, которая накопилась за годы одиночества. — Ты потерял меня в ту ночь, когда я слышала твой разговор в кабинете. Ты потерял меня, когда позволил мне думать, что ты предал меня. Ты потерял меня, Максим. И всё, что ты делал после, было попыткой вернуть то, что уже невозможно вернуть.

Максим опустил голову, и в этом жесте было столько смирения, что Алиса почувствовала, как её злость угасает, сменяясь чем-то другим — усталостью, пустотой, желанием просто закрыть глаза и не думать ни о чём. Она села на стул, стоявший у стены, и обвела взглядом комнату: брата, Максима, старика, стоявшего в дверях, — и поняла, что все они

чего-то от неё ждут. Что все они знают что-то, чего не знает она. И что пришло время узнать правду.

— Рассказывайте, — сказала она, и голос её прозвучал ровно, почти спокойно. — Всё. С самого начала. Я хочу знать, что произошло три года назад. Кто убил моего брата — или заставил всех думать, что убил. Кто стёр мою память. И кто отец моего ребёнка.

Последние слова повисли в воздухе, тяжёлые, как камень. Алиса увидела, как Максим вздрогнул, как брат отвёл взгляд, как старик в дверях едва заметно кивнул, словно одобряя её решимость. В комнате воцарилась тишина, и в этой тишине Алиса слышала своё сердце — оно билось ровно, сильно, отсчитывая мгновения новой жизни, которая начиналась прямо сейчас, в этом старом доме на Лиговском, среди чужих тайн и чужой лжи.

Дмитрий сел напротив неё, сложил руки на столе и начал говорить. Он говорил долго — час, может быть, больше. Он рассказывал о том, как три года назад наткнулся на документы, которые семья Орловых — и не только они — предпочла бы уничтожить. О финансовых махинациях, о незаконных сделках, о людях, которые погибли, потому что слишком много знали. О том, как он попытался шантажировать Виктора Орлова, надеясь получить деньги и уехать из страны, но просчитался: его выследили, и в ночь, когда его машину столкнули в залив, он чудом остался жив. О том, как инсценировал свою смерть с помощью людей, которым доверял, и

ушёл в подполье, чтобы собрать доказательства и однажды обнародовать их.

Алиса слушала, и в её душе поднималась волна такого гнева, такой боли, что она с трудом сдерживалась, чтобы не закричать. Брат рисковал своей жизнью — и её жизнью — ради денег. Ради мести. Ради идеи, которая, как теперь выяснялось, стоила слишком дорого.

— Ты знал, что я беременна, — сказала она, когда Дмитрий замолчал. — Три года назад. Ты знал, что я потеряла ребёнка. И ты не пришёл. Не утешил. Не сказал, что жив. Ты позволил мне пройти через это одной.

Дмитрий закрыл глаза, и на его лице отразилась такая мука, что Алиса на секунду пожалела о своих словах. Но только на секунду. Она слишком долго жила с этой болью, чтобы теперь жалеть кого-то.

— Я не мог, — прошептал он. — Я не мог рисковать. Если бы я появился, если бы кто-то узнал, что я жив, — тебя бы убили. Тебя и твоего ребёнка. Я думал, что делаю всё правильно. Я думал, что защищаю тебя.

— Ты думал только о себе, — ответила Алиса, и в её голосе прозвучала та холодная ясность, которая приходит после долгих лет боли. — Ты всегда думал только о себе, Дима. Даже когда пытался меня защитить.

Она встала со стула и подошла к Максиму. Он смотрел на неё, и в его глазах была та же мука, что и у брата, — но что-то ещё, чего Алиса не могла понять. Она остановилась

в шаг от него и задала вопрос, который жег ей губы с той самой ночи в гостиничном номере:

— Ты отец моего ребёнка?

Максим смотрел на неё долго, не отводя взгляда. А затем произнёс — тихо, но отчётливо, так, чтобы она слышала каждое слово:

— Я не знаю. Я не помню ту ночь так же, как и ты. Кто-то стёр нашу память. Но я знаю одно: я люблю тебя. Любил всегда. И буду любить, что бы ни случилось.

Алиса закрыла глаза. Внутри неё боролись два чувства: желание верить и страх снова ошибиться. Она не знала, что правда, а что ложь. Не знала, кому верить. Не знала, что делать. Но она знала одно: она больше не позволит никому решать за неё. Ни Максиму, ни Даниилу, ни брату. Она сама найдёт ответы. Сама разберётся, кто отец её ребёнка. Сама решит, кому доверять.

Она открыла глаза и посмотрела на Максима. А затем произнесла — тихо, но с той твёрдостью, которая не оставляла сомнений:

— Я найду правду. И когда найду, я решу, что делать. С тобой. С ребёнком. Со всей этой историей. Но не раньше.

Она повернулась и пошла к двери. Брат окликнул её, но она не обернулась. Старик, стоявший в дверях, посмотрел на неё с выражением, которое она не смогла расшифровать, и отступил в сторону, пропуская. Алиса вышла в коридор, прошла через тёмные комнаты, открыла входную дверь и вы-

шла на улицу. Снег всё ещё падал, укрывая город белым покрывалом, и в этом снежном безмолвии Алиса Воронцова впервые за долгое время почувствовала, что дышит полной грудью.

Она не знала, что ждёт её впереди. Не знала, кому верить. Не знала, чем закончится эта история. Но она знала одно: она больше не жертва. Она — охотник. И она найдёт правду, чего бы это ни стоило.

Глава 8. Две полосы

Женская консультация на Петроградской стороне, куда Алиса записалась по совету Веры Павловны, располагалась в старом особняке с колоннами и лепными потолками, переоборудованном под медицинский центр так бережно, что казалось, будто здесь всегда лечили людей — только раньше это были аристократы, а теперь обычные женщины, приходившие сюда со своими страхами, надеждами и вопросами, на которые не всегда находились ответы. Алиса сидела в очереди, листая журнал, который не читала, и краем глаза наблюдала за другими посетительницами: молодая пара, державшаяся за руки; женщина лет сорока, пришедшая одна, с усталым лицом; девушка, совсем юная, с испуганными глазами. Все они ждали своей очереди, и каждая из них несла в себе свою тайну — маленькую или большую, радостную или пугающую, — и от этого ощущения общей женской судьбы Алисе вдруг стало легче. Она не одна. Она не первая и не

последняя женщина, которая сидит в этой очереди и не знает, что ждёт её впереди.

Когда её вызвали, Алиса поднялась и пошла по длинному коридору, освещённому мягким светом настенных ламп, и в какой-то момент поймала себя на мысли, что боится. Боится не диагноза — она уже знала о беременности, — а того, что скажет врач. Точный срок. Дату зачатия. Что-то, что могло бы пролить свет на ту ночь, которую она не помнила, но которая определила всю её дальнейшую жизнь.

Врач, женщина лет пятидесяти с умным, спокойным лицом и тёплыми руками, представилась Еленой Сергеевной и предложила Алисе сесть. Она задала несколько вопросов — о самочувствии, о цикле, о перенесённых заболеваниях, — и Алиса отвечала, стараясь не думать о том, что каждое её слово ложится в медицинскую карту, которая может быть прочитана кем-то другим. Кем-то, кто не должен знать о её беременности. Кем-то, кто уже однажды стёр её память.

— Судя по вашим анализам, срок беременности — около шести недель, — сказала Елена Сергеевна, внимательно глядя на Алису. — Но я должна вас предупредить: точную дату зачатия установить невозможно. У вас наблюдаются некоторые... особенности, которые затрудняют датировку. Гормональный фон немного не соответствует стандартным показателям для этого срока.

Алиса напряглась. Особенности. Гормональный фон. Она вспомнила слова брата о том, что результаты её медицин-

ских анализов были подделаны — или могли быть подделаны. Вспомнила, как Даниил спросил её, была ли она у врача, словно знал о чём-то, чего не знала она сама. И теперь врач говорила ей о том же, только другими словами, и от этого совпадения становилось по-настоящему страшно.

— Что это значит? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Что со мной не так?

Елена Сергеевна отложила ручку и посмотрела на Алису с той осторожностью, с которой врачи сообщают пациентам о вещах, которые сами до конца не понимают.

— Скорее всего, ничего страшного, — сказала она. — Уровень гормонов может колебаться по разным причинам: стресс, усталость, индивидуальные особенности организма. Но я бы рекомендовала вам сдать дополнительные анализы. И, если возможно, восстановить картину зачатия — хотя бы приблизительно. Это поможет нам точнее определить срок и избежать возможных осложнений.

Алиса кивнула, хотя внутри неё всё сжалось. Восстановить картину зачатия. Она не могла восстановить даже картину той ночи. Она помнила только обрывки: голос брата, лицо Максима, чьи-то руки, тащившие её сквозь тьму. И где-то в этой тьме была ещё одна фигура — та, которую она не могла разглядеть, но которая, как она теперь понимала, играла в этой истории не последнюю роль.

— Елена Сергеевна, — сказала Алиса, — вы можете сказать, когда именно произошло зачатие? Хотя бы приблизи-

тельно. Это очень важно.

Врач замялась, и в её глазах промелькнула та тень, которая выдаёт человека, знающего больше, чем говорит.

— По моим расчётам, — сказала она наконец, — зачатие произошло примерно шесть недель назад. Плюс-минус несколько дней. Но я не могу быть точнее. Слишком много факторов, которые я не могу учесть. Если вы хотите получить более точные данные, вам нужен генетический тест. Но его можно делать только после десятой недели, и он не даст вам ответа на вопрос «когда», только на вопрос «кто».

Алиса поблагодарила врача, забрала результаты анализов и вышла на улицу. Снег усилился, превратив город в белый лабиринт, и Алиса шла по улицам, не разбирая дороги, чувствуя, как внутри неё растёт глухое, настойчивое беспокойство. Шесть недель. Плюс-минус несколько дней. Она пыталась вспомнить, что происходило шесть недель назад — до приёма, до той ночи, до всего этого кошмара. Она работала, ходила в мастерскую, встречалась с Даниилом. Ничего особенного. Ничего, что могло бы объяснить беременность. Ничего, что могло бы дать ей ответ.

Она вернулась домой, сняла пальто, прошла в кухню и поставила чайник. Руки дрожали, и она никак не могла унять эту дрожь — не от холода, а от того напряжения, которое накопилось за последние дни. Она села за стол, обхватила чашку ладонями, пытаясь согреться, и в этот момент телефон, лежавший на столе, завибрировал. Алиса посмотрела

на экран и почувствовала, как сердце пропускает удар.

Сообщение от Максима: «Не ищи меня. Я сам найду тебя, когда придёт время. Береги себя. И ребёнка».

Она смотрела на эти слова, и в душе её боролись два чувства: желание ответить и желание никогда больше не слышать его голос. Максим снова уходил. Снова исчезал. Снова оставлял её одну с вопросами, на которые не было ответов. И всё же где-то глубоко, под слоями обиды и недоверия, теплилась та самая надежда, которую она так старательно пыталась похоронить: может быть, он действительно пытается её защитить. Может быть, он действительно любит её. Может быть, всё, что он делал, было ради неё.

Алиса отложила телефон и сделала глоток чая. Чай был горячим, крепким, и от него по телу разливалось тепло, но внутри всё равно оставался холод — тот самый холод, который поселился там с той ночи в гостиничном номере и не желал уходить. Она думала о брате, о Максиме, о Данииле. О трёх мужчинах, каждый из которых что-то скрывал. О трёх версиях правды, каждая из которых была ложью. И о ребёнке, который ещё не родился, но уже стал центром чужой игры.

Телефон завибрировал снова. На этот раз звонил Даниил. Алиса смотрела на экран, не решаясь ответить. После того, что она услышала в подвале особняка, после его признания, после слов о том, что он знал о её беременности раньше неё самой, она не знала, что чувствует. Она не знала, кому ве-

ритель. Она не знала, что делать.

Телефон замолчал, а через несколько секунд раздался новый звонок — снова Даниил. Алиса вздохнула и ответила.

— Алло.

— Алиса, — голос Даниила звучал взволнованно, почти испуганно. — Слава богу, ты жива. Я искал тебя всю ночь. Где ты была? Что случилось?

Алиса молчала, пытаясь понять, что чувствует. Даниил говорил так, словно действительно волновался. Словно не он называл её своей невестой в клинике. Словно не он скрывал от неё правду. Словно не он был тем, кто знал о её беременности раньше неё самой.

— Я была у брата, — сказала она наконец, и в её голосе прозвучала та холодная ясность, которая приходит после долгих лет боли. — Дмитрий жив. Он не погиб. Он скрывался.

На другом конце провода воцарилась тишина. Долгая, тяжёлая, такая, что Алиса услышала собственное дыхание и стук собственного сердца. А затем Даниил произнёс — тихо, почти шёпотом:

— Я знаю. Я знал об этом. И я должен тебе всё рассказать. Но не по телефону. Это слишком опасно. Ты можешь приехать ко мне? Сейчас? Я объясню всё, что знаю. Всё, что скрывал. Обещаю.

Алиса закрыла глаза. Внутри неё боролись два чувства: желание узнать правду и страх снова ошибиться. Но было

ещё что-то — то самое чувство, которое она не могла назвать, но которое подсказывало ей, что Даниил не врёт. Что он действительно хочет ей всё рассказать. Что он, возможно, не враг, а жертва — такая же, как она сама.

— Хорошо, — сказала она. — Я приеду. Но если ты снова соврёшь мне, Даниил, я никогда тебя не прощу. И я найду способ сделать так, чтобы ты пожалел о каждом своём слове.

— Я понимаю, — ответил он, и в его голосе прозвучала та искренность, которую Алиса так хотела услышать. — Я всё понимаю. Просто приезжай. Пожалуйста.

Алиса отключила телефон и посмотрела в окно. Снег продолжал падать, укрывая город белым покрывалом, скрывая под ним грязь, ложь и преступления. Но Алиса знала: рано или поздно снег растает, и всё тайное станет явным. Главное — дожить до этого момента. Главное — не сломаться.

Она встала из-за стола, надела пальто, взяла сумку и вышла из квартиры. Где-то там, в этом заснеженном городе, её ждали ответы. Где-то там был человек, который знал правду. И она найдёт эту правду, чего бы это ни стоило.

Дверь подъезда закрылась за ней с тихим щелчком, и Алиса Воронцова шагнула в снежную мглу — навстречу неизвестности, навстречу опасности, навстречу новой жизни, где каждый шаг мог стать последним.

Глава 9. Возвращение Максима

Благотворительный вечер в отеле «Астория» собрал тот же круг людей, что и приём в особняке Орловых, — всё те же безупречные смокинги, всё те же драгоценности, всё та же атмосфера сдержанного превосходства, которая бывает только там, где собираются люди, привыкшие считать себя хозяевами жизни. Алиса приехала сюда по приглашению Веры Павловны, которая должна была представить на аукционе несколько отреставрированных полотен из частных коллекций, и меньше всего ожидала увидеть среди гостей человека, которого пыталась вычеркнуть из своей жизни. Но едва она переступила порог бального зала, как увидела его — высокого, в безупречном тёмно-синем костюме, с той самой осанкой, которая выделяла его из любой толпы, с тем самым выражением лица, которое она помнила по дням их короткого счастья. Максим Орлов стоял в центре группы гостей и о чём-то оживлённо беседовал с женщиной в очках, и рядом с ним, под руку, стояла женщина.

Алиса остановилась так резко, что идущая следом Вера Павловна едва не наткнулась на неё.

— Что случилось? — спросила Вера Павловна, выглядывая из-за её плеча. — Ах. Вот оно что. Я слышала, что он помолвлен. Говорят, это выгодная партия для обеих семей. Но, судя по твоему лицу, тебе это небезразлично.

Алиса не ответила. Она смотрела на женщину, стоявшую рядом с Максимом, — высокую, стройную блондинку в пла-

тье цвета шампанского, с той холодной, отточенной красотой, которая бывает у людей, привыкших к восхищённым взглядам. Женщина улыбалась, слушая разговор, и её рука лежала на сгибе локтя Максима с той естественной уверенностью, которая говорила о близости — или, по крайней мере, о её убедительной имитации.

Алиса почувствовала, как внутри поднимается знакомая волна — гнев, обида, и где-то глубоко, под всем этим, — та самая боль, которую она так старательно прятала от себя самой. Она отвернулась, взяла с подноса проходившего официанта бокал шампанского и сделала глоток, чувствуя, как холодная, шипучая жидкость обжигает горло.

— Я в порядке, — сказала она Вере Павловне, хотя это было ложью. — Просто не ожидала его здесь увидеть. Пойдём, нам нужно подготовиться к аукциону.

Она провела весь вечер, стараясь не смотреть в сторону Максима, не думать о нём, не замечать, как его взгляд время от времени скользит по залу и, возможно, останавливается на ней. Она разговаривала с коллекционерами, отвечала на вопросы о технике реставрации, улыбалась, кивала, делала всё, что должна была делать, — и всё это время чувствовала, как внутри неё растёт глухое, настойчивое напряжение, которое грозило выплеснуться наружу в любой момент.

Когда аукцион закончился и гости начали постепенно расходиться, Алиса вышла на террасу, чтобы немного проветриться. Зимний воздух обжёг лёгкие, и она стояла у перил,

глядя на заснеженную Неву, на огни города, мерцающие в темноте, и пыталась успокоиться. Она не слышала шагов за спиной — только почувствовала, как кто-то встал рядом, и по тому, как изменился воздух, как напряглось пространство вокруг, поняла, кто это.

— Алиса, — голос Максима прозвучал тихо, почти неслышно, но от него у неё перехватило дыхание. — Нам нужно поговорить.

Она обернулась. Максим стоял в двух шагах от неё, и в свете фонарей его лицо казалось бледным, усталым, словно он не спал несколько ночей. Он не улыбался, не пытался казаться спокойным — просто смотрел на неё с той отчаянной, почти болезненной внимательностью, которая говорила о том, что каждое её слово, каждое движение имеет для него значение.

— О чём нам говорить? — спросила Алиса, и голос её прозвучал холоднее, чем она хотела. — Ты сказал мне не искать тебя. Ты сказал, что найдёшь меня сам. И вот ты здесь. С невестой. Поздравляю, кстати.

Максим поморщился, словно от боли, и на секунду Алисе показалось, что она увидела в его глазах что-то похожее на отчаяние.

— Это не то, что ты думаешь, — сказал он, и в его голосе прозвучала та усталость, которая бывает у людей, вынужденных постоянно оправдываться. — Помолвка — это часть сделки. Деловое соглашение между семьями. Я не люблю её.

Я никогда её не любил.

— Мне всё равно, — ответила Алиса, хотя это было ложью. — Твоя личная жизнь меня не касается. Мы больше не вместе, Максим. Ты сам сделал так, чтобы между нами всё было кончено.

— Я знаю, — сказал он, и в его голосе прозвучала такая боль, что Алиса почувствовала, как что-то внутри неё дрогнуло. — Я знаю, что потерял тебя. Я знаю, что сам во всём виноват. Но я не могу позволить тебе оставаться в этом городе. Ты должна уехать. Немедленно.

Алиса нахмурилась. Что-то в его словах, в его тоне, в его взгляде заставило её насторожиться.

— Почему? — спросила она. — Что происходит?

Максим оглянулся по сторонам, словно проверяя, не слышит ли их кто-нибудь, и сделал шаг ближе. Теперь они стояли почти вплотную, и Алиса чувствовала запах его одеколона — тот самый, который преследовал её в кошмарах и в мечтах, — и от этого запаха у неё кружилась голова.

— За тобой следят, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Люди моего отца. Они знают о ребёнке. Они знают, что ты была у брата. Они хотят использовать тебя, чтобы добраться до документов, которые Дмитрий собирал все эти годы. Если ты останешься в городе, они найдут способ заставить тебя говорить. И тогда ни я, ни твой брат не сможем тебя защитить.

Алиса почувствовала, как холодный воздух проникает

под пальто, сковывая движения, замедляя мысли. Она смотрела на Максима, и в его глазах видела не ложь, не попытку манипулировать, а настоящий, неподдельный страх. Такой же страх, какой она видела у него в подвале особняка, когда он держал пистолет, но не стрелял.

— Ты знаешь, кто отец моего ребёнка? — спросила она, и вопрос прозвучал резче, чем она хотела.

Максим замер. На его лице отразилась такая сложная гамма чувств, что Алиса не смогла их расшифровать: что-то похожее на надежду, смешанное с виной, и ещё что-то — тёмное, глубокое, спрятанное на самом дне.

— Я не знаю, — ответил он наконец. — Я не помню ту ночь. Я помню только, что был в поместье. Помню, как увидел тебя в коридоре. Помню, как кто-то вырубил свет. А потом... потом пустота. Я очнулся утром в своей машине, за городом, с разбитой губой и провалом в памяти. И с тех пор я пытаюсь понять, что произошло.

Алиса смотрела на него, и в её душе боролись два чувства: желание верить и страх снова ошибиться. Она вспомнила его слова в старом доме на Лиговском: «Я не знаю. Я не помню ту ночь так же, как и ты. Кто-то стёр нашу память». Тогда она не поверила ему. Не поверила, потому что слишком много лжи было между ними. Но теперь, глядя в его глаза, она вдруг поняла, что он говорит правду. Что он так же, как и она, стал жертвой чужой игры. Что кто-то очень постарался, чтобы они никогда не узнали, что произошло той ночью.

— Максим, — сказала она, и голос её дрогнул, — если ты не отец моего ребёнка, то кто?

Он закрыл глаза, словно собираясь с силами, а когда открыл их снова, Алиса увидела в них такую муку, что у неё сжалось сердце.

— Я не знаю, — повторил он. — Но я знаю одно: я хочу, чтобы этот ребёнок был моим. Я хочу, чтобы ты была моей. Я хочу, чтобы мы были вместе — ты, я и этот ребёнок. И я сделаю всё, чтобы защитить вас. Даже если для этого мне придётся пожертвовать всем.

Алиса почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Она хотела верить ему. Хотела, чтобы всё было так просто: он любит её, она любит его, и они будут вместе, несмотря ни на что. Но жизнь не была простой. Жизнь была лабиринтом, где каждый поворот вёл к новой лжи, к новой опасности, к новой боли.

— Я не могу уехать, — сказала она, и голос её прозвучал твёрдо. — Я должна найти правду. О брате. О той ночи. О ребёнке. Я не могу просто сбежать и оставить всё как есть.

Максим взял её за руку, и от этого прикосновения Алису бросило в жар. Его пальцы были холодными, но в этом холоде было что-то живое, настоящее, то, чего она так долго ждала.

— Тогда позволь мне помочь тебе, — сказал он. — Позволь мне быть рядом. Я не прошу тебя верить мне. Я не прошу тебя простить меня. Я просто прошу тебя дать мне шанс

доказать, что я не тот, кем ты меня считаешь.

Алиса смотрела на его руку, на его пальцы, переплетённые с её пальцами, и чувствовала, как внутри неё рушится стена, которую она строила три года. Стена, которая защищала её от боли, но одновременно не давала дышать полной грудью.

— Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь тебе доверять, — сказала она тихо. — Но я знаю, что не смогу жить дальше, не узнав правду. И если ты действительно хочешь помочь, то помоги мне найти ответы. Не защищай меня. Не решай за меня. Просто будь рядом. И говори правду. Даже если эта правда меня убьёт.

Максим кивнул, и в его глазах промелькнула тень улыбки — горькой, усталой, но всё же улыбки.

— Я обещаю, — сказал он. — Никакой лжи. Только правда. Даже если она нас обоих уничтожит.

Они стояли на террасе, держась за руки, и снег падал им на плечи, на волосы, на ресницы, и в этом снежном безмолвии Алиса впервые за долгое время почувствовала, что не одна. Что где-то рядом есть человек, который готов пройти с ней этот путь до конца. Даже если этот путь ведёт в никуда. Даже если в конце их ждёт только боль.

За их спинами, в освещённом зале, продолжали играть музыку, смеяться гости, звенеть бокалы. Никто не заметил, как две фигуры исчезли с террасы, растворились в снежной мгле, словно призраки, словно тени, словно люди, которых никогда не существовало.

Алиса шла рядом с Максимом по заснеженной улице, и в её душе боролись два чувства: страх перед тем, что ждёт впереди, и робкая надежда на то, что всё ещё может быть иначе. Что правда, какой бы страшной она ни была, всё-таки существует. Что любовь, которую она так старательно хранила, всё ещё жива.

И где-то в глубине души, под слоями боли и недоверия, теплился огонёк — упрямый, злой, отчаянный. Огонёк, который не позволит ей сдаться. Огонёк, который будет гореть до самого конца.

Глава 10. Предложение

Квартира Даниила на Фурштатской встретила Алису тем особым холостяцким уютом, который бывает у мужчин, давно живущих одних: всё необходимое под рукой, ничего лишнего, ни одной случайной вещи, способной выдать присутствие женщины. Она бывала здесь и раньше — заходила на чай после долгих прогулок, оставалась на ужин, когда дела в мастерской затягивались до поздней ночи, — но сегодня всё казалось другим. Стены, которые прежде выглядели просто стенами, теперь словно таили в себе чужие секреты; книги на полках, которые она когда-то листала с любопытством, теперь казались уликами; даже запах кофе, витавший в воздухе, казался запахом чужой, незнакомой жизни. Алиса сидела в кресле у окна, прижимая к груди чашку с остывающим чаем, и смотрела, как Даниил ходит по комнате — от стола к

окну, от окна к двери, — словно не мог найти себе места. Он был взволнован, это было видно по тому, как подрагивали его пальцы, как он то и дело проводил ладонью по волосам, как избегал её взгляда.

— Ты сказал, что расскажешь мне всё, — напомнила Алиса, когда молчание стало невыносимым. — Я приехала. Я слушаю.

Даниил остановился, посмотрел на неё — долго, внимательно, словно пытаюсь запомнить каждую черту её лица, — и опустился в кресло напротив. Он сложил руки на коленях, сцепил пальцы в замок, и Алиса вдруг поняла, что он боится. Этот большой, сильный мужчина, следовательно, привыкший иметь дело с преступниками и лжецами, сейчас боялся — боялся её, боялся того, что должен был сказать, боялся последствий своих слов.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — начал он, и голос его звучал глухо, словно он говорил через силу. — Ты думаешь, что я предал тебя. Что я скрывал от тебя правду. Что я использовал тебя. И ты права. Я скрывал. Я использовал. Но не так, как ты думаешь. Не для того, чтобы навредить тебе. А для того, чтобы защитить.

Алиса отставила чашку и посмотрела на него с той холодной внимательностью, которую выработала за последние недели.

— Защитить от кого? — спросила она.

— От Максима Орлова, — ответил Даниил, и в его голо-

се прозвучала та твёрдость, которая появлялась у него всякий раз, когда разговор касался Максима. — От его отца. От людей, которые окружают эту семью. Я знаю, что ты была у него. Я знаю, что он рассказал тебе о брате. Я знаю, что он пытается убедить тебя в своей невиновности. Но ты не знаешь того, что знаю я. Ты не видела документов, которые я видел. Ты не слышала показаний, которые я слышал.

Алиса напряглась. Внутри неё поднималась волна протеста — она хотела верить Максиму, хотела, чтобы его слова оказались правдой, — но привычка доверять Даниилу, привычка видеть в нём защитника и союзника была слишком сильной.

— Что ты знаешь? — спросила она. — Говори.

Даниил поднялся, подошёл к письменному столу, стоявшему у стены, и открыл верхний ящик. Он достал папку — плотную, кожаную, с потёртыми углами, — и вернулся к Алисе. Он положил папку ей на колени, но не открыл, а просто стоял рядом, глядя на неё сверху вниз с выражением, которое она не могла расшифровать.

— Здесь всё, — сказал он. — Всё, что я собрал за три года. Документы. Показания свидетелей. Фотографии. Записи разговоров. Я не показывал тебе этого раньше, потому что не хотел тебя впутывать. Но теперь я понимаю, что должен. Ты имеешь право знать.

Алиса открыла папку. Внутри были десятки страниц — распечатки банковских переводов, копии контрактов, схе-

мы, фотографии людей, которых она не знала. Она переворачивала страницы одну за другой, пытаясь понять, что именно хочет ей показать Даниил, и постепенно перед ней начала вырисовываться картина, от которой кровь стыла в жилах. Финансовые махинации. Подставные фирмы. Отмывание денег через благотворительные фонды. Люди, которые погибли, потому что слишком много знали. И среди всего этого — имена. Знакомые имена. Виктор Орлов. Несколько политиков. Владельцы крупных компаний. И её брат. Дмитрий Воронцов.

— Твой брат был частью этой схемы, — сказал Даниил тихо, словно извиняясь за каждое слово. — Не главной фигурой, но частью. Он помогал им отмывать деньги. Он знал, что делает. А когда решил выйти из игры, когда попытался шантажировать их, его убрали. Инсценировка смерти — это его идея. Он сбежал, потому что знал, что если останется, его убьют. И Максим Орлов знал об этом. Знал и молчал. Знал и покрывал. Потому что если бы правда всплыла, если бы стало известно, что Дмитрий участвовал в махинациях, это уничтожило бы и его тоже.

Алиса слушала, и внутри неё всё рушилось. Она вспоминала брата — весёлого, доброго, заботливого, — и не могла поверить, что этот человек был способен на то, о чём говорил Даниил. Но документы были перед ней. Чёрным по белому. Переводы. Подписи. Доказательства.

— Ты лжёшь, — прошептала она, хотя сама уже не верила

в это. — Дима не мог. Он был хорошим. Он всегда защищал меня. Он не мог быть частью этого.

— Он был хорошим братом, — согласился Даниил, и в его голосе прозвучала та мягкость, с которой говорят с людьми, потерявшими почву под ногами. — Но хорошие люди иногда совершают плохие поступки. Особенно когда речь идёт о деньгах. О власти. О выживании. Я не говорю, что он был злодеем. Я говорю, что он был человеком. Со всеми слабостями и ошибками.

Алиса закрыла папку и отложила её в сторону. Руки дрожали, и она спрятала их в карманы, чтобы Даниил не заметил. Она смотрела в окно, на заснеженную улицу, на редких прохожих, спешащих по своим делам, и пыталась собрать себя заново — из осколков, из обломков, из того, что осталось после удара.

— Почему ты не сказал мне раньше? — спросила она, не оборачиваясь. — Почему ты позволил мне думать, что Максим — убийца? Почему ты позволил мне ненавидеть его все эти годы?

Даниил подошёл ближе, встал за её спиной, и Алиса почувствовала тепло его тела, его близость, его присутствие — то самое, которое раньше успокаивало, а теперь пугало.

— Потому что я боялся, — ответил он, и в его голосе прозвучала такая искренность, что Алиса невольно обернулась. — Я боялся, что если ты узнаешь правду о брате, ты возненавидишь его. Я боялся, что ты сломаешься. Я боялся, что

ты уйдёшь. И я боялся, что если ты узнаешь, что Максим знал обо всём и молчал, ты возненавидишь и его тоже. А я не хотел, чтобы ты ненавидела. Я хотел, чтобы ты жила. Чтобы ты была счастлива. Со мной.

Алиса смотрела на него, и в её душе боролись два чувства: благодарность за заботу и гнев за ложь. Даниил всегда был рядом. Даниил всегда защищал. Даниил всегда говорил, что любит. Но его любовь оказалась клеткой — золотой, удобной, но всё же клеткой, где за неё решали, что ей можно знать, а что нельзя.

— Даниил, — сказала она медленно, — я не вещь. Я не хрупкая ваза, которую нужно держать за стеклом. Я не нуждаюсь в защите от правды. Я нуждаюсь в правде. Всей. Даже если она меня убьёт.

Даниил опустился перед ней на колени — неожиданно, порывисто, — и взял её руки в свои. Его ладони были тёплыми, и от этого тепла Алисе захотелось заплакать.

— Я знаю, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я знаю, что был неправ. Я знаю, что должен был рассказать тебе всё с самого начала. Но я не мог. Потому что боялся тебя потерять. Потому что ты — единственное, что у меня осталось. После смерти жены я думал, что никогда больше не смогу никого полюбить. А потом появилась ты. И я понял, что могу. Что хочу. Что буду бороться за тебя. Даже если ты меня не выберешь. Даже если ты выберешь его.

Алиса смотрела на него — на этого большого, сильного

мужчину, стоящего перед ней на коленях, — и чувствовала, как к горлу подкатывает комок. Она не знала, что ответить. Не знала, что чувствует. Не знала, кому верить. Максим говорил одно, Даниил — другое, и оба они были убедительны, оба говорили с той искренностью, которая заставляла сомневаться в собственных суждениях.

— Встань, — сказала она тихо. — Пожалуйста. Не надо так.

Даниил поднялся, но не отпустил её рук. Он смотрел на неё с той отчаянной надеждой, которая бывает у людей, готовых на всё ради того, чтобы не остаться одному.

— Я хочу, чтобы ты переехала ко мне, — сказал он, и в его голосе прозвучала та решимость, которая не оставляла места для возражений. — У меня есть дом за городом. Охраняемый. Тихий. Там ты будешь в безопасности. Там никто тебя не найдёт. Я буду рядом. Я буду заботиться о тебе. О ребёнке. Я готов стать отцом этому ребёнку. Независимо от того, кто его биологический отец. Я готов дать ему своё имя. Свою защиту. Свою любовь.

Алиса замерла. Это было предложение — не просто предложение помощи, а предложение руки и сердца, замаскированное под заботу. Даниил смотрел на неё, и в его глазах была такая мольба, что Алиса почувствовала, как внутри неё что-то сжимается.

— Ты просишь меня выйти за тебя замуж? — спросила она, чтобы убедиться, что правильно поняла.

— Я прошу тебя позволить мне быть рядом, — ответил он. — Не как друг. Не как следователь. Как мужчина, который любит тебя. Как человек, который хочет провести с тобой всю оставшуюся жизнь. Я не требую от тебя ответного чувства. Я не требую, чтобы ты забыла Максима. Я просто прошу тебя дать мне шанс. Дать нам шанс.

Алиса отняла руки и встала с кресла. Она прошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза. Внутри неё бушевала буря — страх, растерянность, гнев, и где-то глубоко, под всем этим, — та самая усталость, которая накапливается годами и однажды становится невыносимой. Она устала бояться. Устала сомневаться. Устала выбирать между двумя мужчинами, каждый из которых говорил, что любит её, и каждый из которых что-то скрывал.

— Даниил, — сказала она, не оборачиваясь, — я не могу дать тебе ответ сейчас. Не потому, что не хочу. Потому что не знаю. Я не знаю, что чувствую. Не знаю, кому верить. Не знаю, что будет завтра. Я знаю только одно: я должна найти правду. О брате. О той ночи. О ребёнке. И пока я её не найду, я не могу думать о будущем. Ни о твоём. Ни о его. Ни о своём.

Она обернулась и посмотрела на Даниила. Он стоял посреди комнаты, опустив руки, и на его лице было выражение такого бессилия, что Алисе стало его жаль. Он действительно любил её. Или думал, что любит. Или хотел любить. И от этого осознания становилось только тяжелее.

— Я не отказываюсь от твоей помощи, — продолжила она. — Я не отказываюсь от тебя. Но я не могу переехать к тебе. Не сейчас. Не так. Я должна сама разобраться в этом хаосе. Иначе я никогда не смогу жить дальше.

Даниил долго молчал, глядя на неё с той внимательностью, которая бывает у людей, пытающихся понять чужую боль. А затем кивнул — медленно, с усилием, словно каждое движение давалось ему с трудом.

— Хорошо, — сказал он. — Я не буду настаивать. Но я прошу тебя об одном: будь осторожна. Не доверяй Максиму слепо. Он умеет убеждать. Он умеет играть на чувствах. Но он не тот, за кого себя выдаёт. Я знаю это. Я видел документы. Я знаю, на что он способен.

Алиса кивнула, хотя внутри неё всё противилось этим словам. Она не хотела верить, что Максим способен на что-то плохое. Но она не хотела верить и в обратное. Она просто хотела знать правду.

Она попрощалась с Даниилом — сухо, быстро, без объяснений и лишних слов, — и вышла на улицу. Снег продолжал падать, и город казался бесконечным лабиринтом, где каждый поворот вёл к новой загадке. Алиса шла по улице, не разбирая дороги, и в голове её звучали слова Даниила: «Твой брат был частью этой схемы». «Максим знал и молчал». «Я готов стать отцом этому ребёнку». Всё это смешивалось в один сплошной гул, и в этом гуле она не могла разобрать, где правда, а где ложь.

Она достала телефон и набрала номер брата. Гудки шли долго, и Алиса уже собиралась сбросить вызов, когда на другом конце раздался голос — хриплый, усталый, но живой.

— Алиса? Что случилось?

— Дима, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я должна тебя кое о чём спросить. И я хочу, чтобы ты сказал мне правду. Всю правду. Даже если она меня убьёт.

Пауза. Долгая, тяжёлая. А затем брат произнёс — тихо, почти шёпотом:

— Спрашивай. Я отвечу.

Алиса глубоко вдохнула и задала вопрос, который жег ей губы с той самой минуты, как она открыла папку Даниила:

— Ты был частью их схемы? Ты помогал Орловым отмы-
вать деньги?

Тишина на другом конце провода длилась так долго, что Алиса успела испугаться, что брат сбросил вызов. Но вот он заговорил — и в его голосе была такая боль, такая горечь, что у Алисы сжалось сердце.

— Да, — сказал он. — Я был. Не по своей воле. Меня втянули. Шантажом. Угрозами. Я пытался выйти, но было поздно. И я заплатил за это. Тремя годами жизни. Тремя годами страха. Тремя годами вдали от тебя.

Алиса закрыла глаза. Слезы текли по щекам, но она не вытирала их. Она стояла посреди заснеженной улицы, среди чужих домов и чужих судеб, и чувствовала, как рушится последняя стена, которая отделяла её от правды. Правда была

страшной. Правда была жестокой. Но это была правда.

— Почему ты не сказал мне? — прошептала она. — Почему ты позволил мне думать, что ты герой? Почему ты позволил мне оплакивать человека, которого не существовало?

— Потому что я хотел, чтобы ты помнила меня таким, — ответил брат, и голос его дрогнул. — Хорошим. Сильным. Защитником. А не тем, кем я стал на самом деле. Предателем. Лжецом. Человеком, который продал свою душу за деньги.

Алиса молчала. Внутри неё всё болело — так, словно кто-то разбил её на куски и забыл собрать обратно. Она не знала, что сказать. Не знала, что чувствовать. Не знала, как жить дальше с этим знанием.

— Алиса, — позвал брат. — Ты здесь?

— Здесь, — ответила она. — Я здесь.

— Я знаю, что ты меня ненавидишь, — сказал он. — Имеешь право. Но я хочу, чтобы ты знала одно: я никогда не хотел, чтобы ты пострадала. Всё, что я делал после того, как сбежал, — я делал ради тебя. Чтобы защитить. Чтобы искупить. Чтобы однажды ты смогла жить без страха.

Алиса вытерла слёзы и посмотрела на телефон. На экране светилось имя брата — имя, которое она три года произносила только в молитвах. И в этот момент она поняла, что не может его ненавидеть. Не может, потому что он был её единственной семьёй. Не может, потому что он был частью её, как она была частью его. Не может, потому что любовь —

даже к предателю, даже к лжецу — не исчезает по приказу.

— Я не ненавижу тебя, — сказала она тихо. — Я просто... я просто не знаю, как жить с этим. Как простить. Как забыть.

— Не надо забывать, — ответил брат. — Надо помнить. И идти дальше. Вместе. Если ты позволишь.

Алиса закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Холодный воздух обжёг лёгкие, и от этого стало легче. Ненамного. Но легче.

— Я позволю, — сказала она. — Но не сейчас. Сначала я должна найти ответ на главный вопрос. Кто отец моего ребёнка.

— Я помогу тебе, — сказал брат. — У меня есть кое-какие сведения. Кое-какие догадки. Но не по телефону. Приезжай. Я жду.

Алиса кивнула, хотя он не мог её видеть. Затем отключила телефон, убрала его в карман и пошла в сторону метро. Снег падал ей на лицо, таял на ресницах, смешиваясь со слезами. Но она шла — упрямо, настойчиво, не оглядываясь. Потому что знала: где-то там, в конце этого пути, её ждёт правда. И она найдёт её. Чего бы это ни стоило.

Глава 11. Записка без подписи

Конверт ждал её в почтовом ящике, среди счетов за коммунальные услуги и рекламных листовок, которые Алиса обычно выбрасывала не читая. Он был плотным, кремового цвета, без обратного адреса, без марки — только её имя,

написанное от руки печатными буквами, ровными и чёткими, словно автор послания### старался скрыть свой почерк. Алиса вытащила его, повертела в руках, чувствуя, как внутри нарастает знакомое напряжение, и поднялась в квартиру, не решаясь открыть конверт на лестничной площадке, где любой сосед мог увидеть её лицо, её руки, её страх.

Дома она прошла в кухню, положила конверт на стол и несколько минут просто смотрела на него, словно ждала, что он заговорит сам, без её участия. Потом взяла нож, аккуратно надрезала край и вытряхнула содержимое. Это была фотография — старая, слегка пожелтевшая по краям, размером примерно десять на пятнадцать, какие обычно печатают в лабораториях для семейных архивов. Алиса перевернула её и замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица.

На снимке были трое. Её брат, Дмитрий, стоял в центре, улыбаясь той самой широкой, чуть насмешливой улыбкой, которую она помнила с детства. Слева от него стоял Максим Орлов — молодой, в расстёгнутом пиджаке, с закатанными рукавами рубашки, с тем самым выражением лица, которое она когда-то любила больше всего: спокойным, уверенным, чуть ироничным. А справа — Даниил Соколов. В форме. С погонами. С папкой в руках. Тот самый Даниил, которого она знала как следователя, который вёл дело о гибели брата, который говорил, что познакомился с Дмитрием только после его исчезновения.

Алиса перевернула фотографию. На обороте, тем же пе-

чатным почерком, была написана дата — и от этой даты у неё перехватило дыхание. Двадцать третье августа. Три года назад. За две недели до того, как машину Дмитрия нашли на дне Финского залива. За десять дней до того, как Даниил Соколов впервые появился на пороге её квартиры, чтобы сообщить ей о том, что её брат пропал без вести.

Она села на стул, не сводя глаз с фотографии. Три человека. Её брат. Максим. Даниил. Вместе. За две недели до исчезновения Дмитрия. И Даниил — в форме, с папкой, — выглядел так, словно находился здесь по служебной необходимости. Словно он уже тогда, за две недели до официального начала расследования, знал что-то, чего не должна была знать она.

Алиса достала телефон и набрала номер брата. Он ответил после первого гудка, словно ждал звонка.

— Ты получила конверт, — сказал он, и это был не вопрос.

— Получила, — ответила Алиса, и голос её прозвучал ровно, почти спокойно, хотя внутри всё кипело. — Объясни. Что это за фотография? Почему Даниил на ней? Почему он в форме? И почему ты никогда не говорил, что вы были знакомы до его официального расследования?

На другом конце провода повисла тишина. Долгая, тяжёлая, такая, что Алиса слышала собственное сердце, отбивающее дробь где-то в горле. А затем брат заговорил — медленно, словно каждое слово давалось ему с усилием:

— Даниил был моим связным. Я работал не только на Орловых. Я работал и на полицию тоже. Точнее, на людей, которые хотели их разоблачить. Я был информатором. Даниил вёл это дело с самого начала — с тех пор, как появились первые подозрения о финансовых махинациях. Мы познакомились за год до того, как всё случилось. Он завербовал меня. Пообещал защиту. Пообещал, что если я помогу им собрать доказательства, мне дадут новую жизнь. Новые документы. Возможность начать всё с чистого листа.

Алиса слушала, и внутри неё всё рушилось. Она вспоминала Даниила — его спокойный голос, его тёплые руки, его слова о том, что он хочет защитить её, что он готов стать отцом её ребёнку. И рядом с этим — другая картина: Даниил в форме, с папкой, рядом с её братом, за две недели до исчезновения. Даниил, который знал о беременности раньше неё самой. Даниил, который скрывал правду о её брате все эти годы.

— Ты хочешь сказать, — произнесла Алиса, и голос её дрогнул, — что Даниил использовал тебя? Что он использовал меня? Что всё это время он играл в какую-то свою игру?

— Я не знаю, — ответил брат, и в его голосе прозвучала та осторожность, с которой люди говорят о вещах, в которых сами не уверены. — Я знаю только то, что видел. Я знаю, что Даниил помог мне инсценировать смерть. Я знаю, что он достал мне документы на другое имя. Я знаю, что он предупредил меня о готовящемся покушении. Но я также знаю,

что он не сказал тебе правду. Ни тогда. Ни сейчас. И я не знаю почему. Может быть, он пытался тебя защитить. Может быть, у него были свои причины. А может быть, он просто использовал тебя, как использовал меня.

Алиса закрыла глаза. Внутри неё боролись два чувства. гнев и страх. Гнев на Даниила — за ложь, за манипуляции, за то, что он влез в её жизнь и притворялся защитником, тогда как на самом деле преследовал какие-то свои цели. И страх — потому что если Даниил лгал, если он действительно использовал её, то кому вообще можно верить? Максиму, который скрывал правду о брате? Брату, который был частью преступной схемы? Себе самой — женщине, которая не помнила ту ночь и не знала, кто отец её ребёнка?

— Дима, — сказала она, — я должна знать. Кто отец моего ребёнка? Ты знаешь? Ты был там? В ту ночь? В поместье?

Брат молчал несколько секунд, а затем произнёс — тихо, с той болью, которая бывает у людей, вынужденных говорить правду, которая может ранить:

— Я был там. В ту ночь. Я приехал в поместье, чтобы забрать документы, которые спрятал в библиотеке. Даниил должен был встретить меня и вывезти из города. Но всё пошло не так. Свет погас раньше, чем мы успели. Я слышал, как ты кричала. Я пытался до тебя добраться, но кто-то ударил меня сзади. Когда я очнулся, тебя уже не было. А потом... потом я видел, как Максим выносил тебя из дома. На руках. Ты была без сознания. Он посадил тебя в свою маши-

ну и уехал. Я не знаю, что произошло дальше. Я не знаю, что было между вами в ту ночь. Но я знаю одно: Максим не хотел тебе зла. Я видел его лицо. Я видел, как он держал тебя. Так держат самое дорогое, что есть в жизни.

Алиса слушала, и слёзы текли по её щекам — беззвучно, неостановимо, — а она даже не пыталась их вытирать. Максим вынес её из дома. Максим посадил её в машину. Максим отвёз её в гостиницу. Он был там. Он был рядом. И он не помнил, что произошло дальше. Или говорил, что не помнит. Или врал. Или говорил правду. Она уже не знала, что думать.

— А Даниил? — спросила она, и голос её сорвался. — Где был Даниил? Что он делал, пока Максим выносил меня из дома?

— Я не знаю, — ответил брат. — Я потерял сознание. Когда я очнулся во второй раз, я был один. Даниила не было. Максима не было. Тебя не было. Я выбрался из поместья через подвал — тот самый, где вы потом были с Максимом, — и ушёл в город. Через неделю Даниил нашёл меня и сказал, что ты жива, что ты в безопасности, что он присматривает за тобой. Я поверил ему. Я не знал, что он не сказал тебе правду. Я не знал, что он позволил тебе думать, что Максим — убийца. Я узнал об этом только полгода назад, когда вышел на Максима и мы начали сравнивать то, что знаем. И тогда я понял, что Даниил вёл свою игру. Какую — я до сих пор не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.